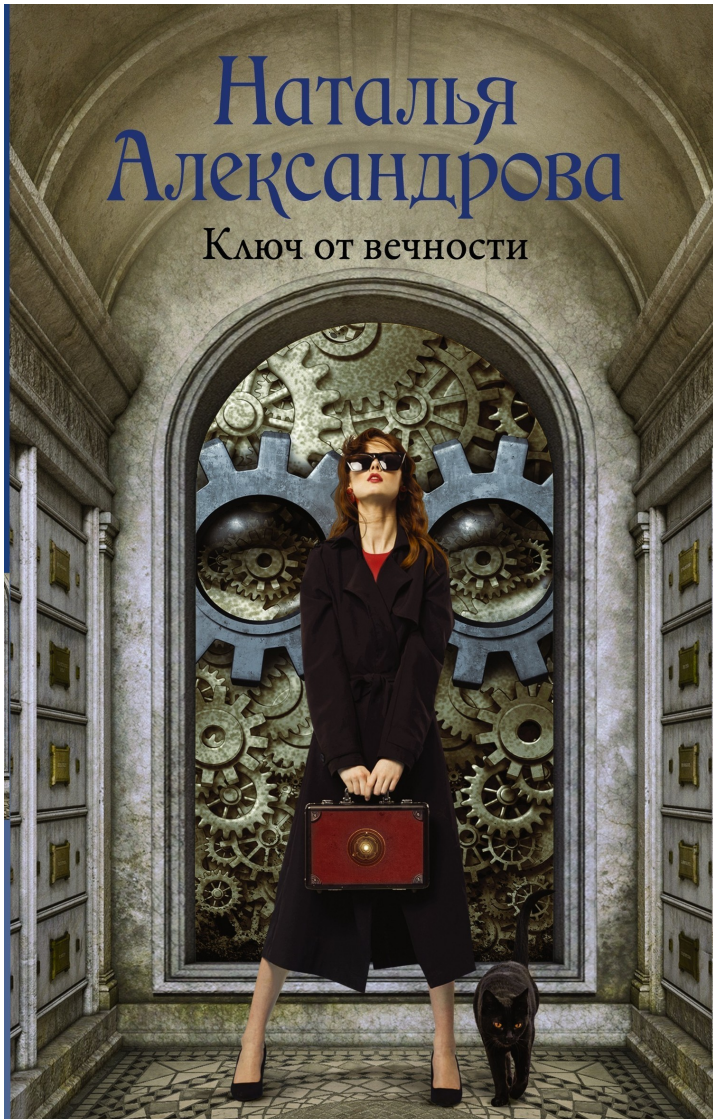

Наталья Александрова

Ключ от вечности

Наталья Николаевна Александрова

Ключ от вечности

Серия «Детектив-любитель
Надежда Лебедева», книга 33

Серия «Роковой артефакт»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42726343

Ключ от вечности: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-113308-5

Аннотация

В течение нескольких веков из поколения в поколение передавалась легенда о докторе Фаусте, ученом-чернокнижнике, заключившем договор с дьяволом. Что получил Фауст в обмен на свою душу? Одни считают, что знания, другие – богатства, третьи – некий артефакт, с помощью которого можно изобрести эликсир вечной молодости. После смерти доктора ценный предмет побывал в руках многих, но затем был надежно скрыт от людских глаз.

По прошествии многих лет артефакт всплыл на свет божий, и это вызвало череду странных событий, прокатившихся по Санкт-Петербургу и его окрестностям. Некоторые очевидцы утверждали, что видели самого сатану.

Питерская домохозяйка Надежда Лебедева была человеком рациональным и в нечистую силу не верила, однако после автомобильной аварии с ней стали происходить события, не поддающиеся объяснению...

Наталья Александрова

Ключ от вечности

© Н. Александрова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Надежда проснулась оттого, что кто-то тихо разговаривал рядом.

– И вот иду это я вечером, темнеет уже, а Мани моей нет как нет. Такая была прохиндейка, все время норвила отвя-заться. Уж как ее к колышку ни притачаешь, а сосед у меня моряком раньше был, научил узлы морские вязать, – так и то Маня узлы те разматает и в лес убежит. И чего ей в том лесу надо было? Искала, в общем, приключений на свою голову... Или не на голову, а...

«Какая Маня? – подумала Надежда. – Почему Маня? Кто это вообще разговаривает? Телевизор, что ли? Так у меня в спальне телевизора нет...»

Она пошевелилась и открыла глаза. Точнее, попыталась открыть. Не получилось. Левый глаз вообще залип намертво, а правый после долгих усилий приоткрылся на маленькую щелочку, дальше веко не поднималось. И сквозь эту щелочку Надежда увидела какую-то белую стену, а потом что-

то прозрачное в полоску.

– Вера, открой окно, что-то душно стало! – послышался тот же незнакомый голос.

Тотчас чья-то тень проплыла мимо, потом послышался скрип, и Надеждино лицо ощутило поток свежего ветерка.

«Значит, это окно, – догадалась она, – а на нем жалюзи».

– Так-то лучше, – снова заговорил тот же человек. – Тепло сегодня, прямо как летом. Хоть подышим...

«Но это не мое окно, – заволновалась Надежда, – у меня не жалюзи, а занавески. И карниз другой. Где я?»

Она снова попыталась открыть левый глаз, чтобы увеличить обзор. Не получилось. Тогда она решила помочь глазу рукой, но левая рука оказалась к чему-то привязана и никак не хотела подниматься. Надежда потрясла головой, отчего та взорвалась болью, да такой сильной, что Надежда застонала.

И неожиданно стало легче. В голове прояснилось, правый глаз открылся как следует, а левый – наполовину. И Надежда увидела над собой потолок. Чистый, недавно побеленный, но, несомненно, не тот, что был в ее спальне. У нее подвесной, и люстра красивая, а здесь обычный плафон.

– Гляди-ка, – снова послышался голос, – кажись, в себя пришла. Загорочалась, точно как моя Нюська в хлеву. Рассказывала я тебе про Нюську? Ух и умная была – страшное дело! Как зарезали ее, очень я переживала...

Надежда с трудом повернула голову и увидела на соседней кровати грузную старуху. Седые волосы были аккуратно

заплетены в тоненькую косицу, из-под клочковатых бровей бойко смотрели маленькие внимательные глазки.

– Очнулась? – спросила старуха. – Вот и ладненько, вот и хорошо. Вера, кликни-ка доктора или сестричку. Хотя эта егоза Светка и так прибежит, когда капельница кончится.

И Надежда наконец поняла, отчего так неудобно лежать: в левой руке капельница. Тут в поле ее зрения появилась женщина в махровом халате. Все темечко и половину лба у нее закрывала повязка.

«Шапочка Гиппократы», – вспомнила Надежда школьные уроки гражданской обороны. Физрук тогда показывал, как делать эту повязку на ее подружке Алке Тимофеевой. Мальчишек он отставил сразу – вертеться будут, у остальных девочек были косы, а Алка назло родителям сделала короткую стрижку.

– С возвращением, Ира, – улыбнулась женщина. – Скоро на поправку пойдете.

– Но я не... – начала Надежда, но женщина уже выглянула за дверь, откуда послышался ее крик:

– Алексей Степаныч, Муравьева очнулась!

«Почему Муравьева?» – удивилась Надежда, но сказать ничего не успела, так как в палату в сопровождении медсестры вкатился коломом низенький толстенький мужчина лет шестидесяти, в белом накрахмаленном халате, с трудом сходящемся на круглом животе, с маленькой седой бородкой и ясными голубыми глазами. При его появлении Надеждины

соседки по палате засияли, даже грузная старуха приподнялась на койке и проговорила радостно:

– Здравсте, Алексей Степаныч!

– Как живем, красавицы? – осведомился доктор, оглядывая палату. – Вы, я вижу, идете на поправку! – улыбнулся он женщине в шапочке Гиппократата, а потом подошел к Надежде.

Медсестра подставила ему стул, он опустился на него, сцепил руки перед грудью, точнее перед животом, и проговорил:

– Это доктор, это доктор, добрый доктор Айболит! Ну, здравствуйте, дорогая Ирина Павловна! Давайте знакомиться. Ваше имя мы оба знаем, а я не доктор Айболит, как меня здесь некоторые называют, а Алексей Степанович, заведующий отделением. Нам с вами предстоит близкое общение.

– Почему... – невнятно проговорила Надежда.

Она хотела спросить, почему доктор называет ее Ириной Павловной, но язык с трудом ворочался во рту, и произнести такую длинную фразу она не смогла. Доктор же понял ее вопрос по-своему.

– Почему нам предстоит близкое общение? – переспросил он. – Потому, милая, что у вас черепно-мозговая травма, а с этим не шутят! Мы с вами будем лечиться, лечиться и лечиться! Всех излечит, исцелит добрый доктор Айболит! А для начала постараемся поставить диагноз. Если бы у нас в больнице был томограф, я сказал бы что-то более определенное, но его нет, так что я могу судить только по вашему

внешнему виду и по косвенным признакам... Давайте, милая, немножко поработаем. Я понимаю, что вас клонит в сон – мы вам кое-что ввели, чтобы вы не волновались, но сейчас я хочу, чтобы вы со мной пообщались... Для начала скажите, сколько пальцев вы видите?

Он показал Надежде два пальца.

Надежда о таком тесте слышала не раз и сама его применяла на практике, когда подруга Алка свалилась с табурета и ударилась головой о батарею. Алка тогда с негодованием оттолкнула ее руку – у нее, дескать, голова и не такое выдержит, так что сама пальцы считай. Так, кстати, и оказалось.

Поэтому сейчас Надежда слабо улыбнулась и проговорила довольно внятно:

– Два пальца, доктор.

Алексей Степанович засиял, как будто выиграл в лотерею, и потер ручки:

– Отлично, милая, отлично! А теперь следите за моим пальцем, но не вертите головой.

Об этом он мог и не предупреждать, Надежда вертеть головой не могла при всем желании, каждое случайное движение отдавалось в ее голове взрывом боли. Поэтому она послушно следила глазами за толстым пальцем доктора.

И опять он ужасно обрадовался.

Достав из кармана халата маленький фонарик, он осветил Надежде в глаза, приговаривая при этом:

– Вот откуда-то летит маленький комарик, и в руке его

горит маленький фонарик...

То, что он увидел, опять очень его обрадовало, он спрятал фонарик и повернулся к сестре, которая стояла рядом, послушно ожидая распоряжений. Достав из кармана разграфленный листок, он повел по нему кончиком карандаша.

– Вот это увеличим до ста пятидесяти... вот это, наоборот, убавим до сорока. А это вообще отменим, это не нужно.

Затем доктор снова повернулся к Надежде и жизнерадостно проговорил:

– Все будет хорошо, милая Ирина Павловна, и вы будете как новенькая! То-то рада, то-то рада вся звериная семья! А теперь скажите мне, милая, что последнее вы помните?

– Помню, как вышла из дома... – неуверенно сказала Надежда.

– Ну что ж, неплохо, совсем неплохо... А что было дальше – не помните?

– Нет, дальше не помню...

– Ну что ж, значит, будем лечиться, лечиться и лечиться... – Доктор встал со стула и выкатился из палаты.

– Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... – проговорила вслед ему Надежда.

После ухода врача к ней в полном объеме вернулся дар речи.

– Он прекрасный врач! – воскликнула соседка с повязкой на голове, молитвенно сложив руки. – Сколько людей спас! Скольким здоровье вернул!

– Это хорошо, – отозвалась Надежда. – Не пойму только, почему он меня называет Ириной Павловной.

– А как же он должен тебя называть? – Соседка подозрительно взглянула на нее. – Ты же и есть Ирина Павловна, Ирина Павловна Муравьева! Вон у тебя и табличка на кровати висит, на всякий случай, чтобы не ошибиться...

– Табличка? – Надежда покосилась на изножье кровати.

Там действительно висела какая-то картонная табличка, но для того, чтобы прочесть, что на ней написано, нужно было встать, а к этому Надежда была не готова.

– Если на клетке слона ты видишь надпись: «Буйвол», не верь глазам своим!

Тетка в повязке и грузная старуха переглянулись, но вслух ничего не сказали.

Вскоре после ухода доктора пришла медсестра и убрала капельницу, после чего Надежда смогла сесть на кровати.

– Ну, – весело сказала грузная старуха, – давай знакомиться. Меня зовут Мария Ивановна, а это вон Вера. А ты, стало быть, Ира, Ирина. Ничего, что я без отчества? Могу, конечно, и Ириной Павловной звать. Некоторые привыкли по отчеству...

«Вовсе я не Ирина Павловна, а Надежда Николаевна, – в панике подумала Надежда. – Надежда Николаевна Лебедева. Но что же это все значит?»

– А как я здесь очутилась? – спросила она.

– Не помнишь? – прищурилась старуха.

– Не помню, – ответила Надежда чистую правду.

– Авария была на шоссе, рейсовый автобус перевернулся, на молоковоз налетел. Ну, смертельных исходов не было, а пострадавших по больницам распихали. Тебя сюда, на неврологию, на хирургии трое лежат. А уж куда и откуда ты ехала, сама думай.

Надежда покачала головой, которая была пуста, как тыква на Хэллоуин.

– Не напрягайся, Ира, – сказала вторая женщина, которую представили Верой. – Доктор сказал: память сама вернется, нужно только время. Ты сутки без сознания была, шутка ли...

– А как узнали, кто я? Я ведь не могла сказать, я же была без сознания...

– Да как же! – удивилась Мария Ивановна. – По паспорту. Паспорт у тебя с собой был, вот и узнали. Муравьева Ирина Павловна, обычная фамилия. Неужели не помнишь?

«Я – Лебедева», – подумала Надежда, но уверенность в этом факте была несколько поколеблена.

– Ты только не волнуйся, – завела прежнюю песню Вера. – Алексей Степанович доктор отличный. Его, я знаю, в город звали, в Институт мозга, а он не поехал. Как же я, говорит, больных своих оставлю, кто же тут-то работать станет?

– А где я вообще? – спохватилась Надежда Николаевна. – Какая это больница?

– Васильковская, – охотно объяснила Мария Ивановна. – Говорю же, авария была на шоссе, так всех пострадавших по окрестным больницам распихали. Тебя в ближайшую, что в поселке Васильково. Неужели не помнишь?

Надежда прислушалась к себе и поняла, что никогда в жизни не слышала этого названия.

– А что это доктор все детскими стихами разговаривает? – спросила она, чтобы сменить тему.

– А это у него внуки, – рассмеялась Вера, – двойняшки, мальчик и девочка, Танечка и Ванечка. Третий годик им пошел, а доктор все книжки им читает, чтобы умнее были. Сейчас как раз до Корнея Чуковского дошли.

Чтобы не отвечать на вопросы, Надежда сама стала спрашивать. И познакомилась с соседками поближе.

Грузная Мария Ивановна прожила всю жизнь неподалеку, в соседней деревне, было у нее свое хозяйство, имелось все, что положено, – и корова, и свиньи, и козы-овцы. Сейчас по причине старости остались только куры и пять гусей. Из-за гусей старуха и пострадала: наклонилась, чтобы насыпать корма, а вожак ее и клюнул в темечко. Она упала и ударилась головой. К счастью, теперь шла на поправку. За птицей в данное время присматривал ее сын Вова, который поначалу очень рассердился на гусей из-за матери и даже хотел свернуть главному гусаку шею, но потом привык жить на природе и даже подумывает переселиться в деревню насовсем, бросив в городе жену-стерву и тещу-змеюку.

Другая соседка по палате, Вера, работала учительницей литературы в местной школе, и нерадивый ученик по фамилии Сундуков уронил ей на голову гипсовый бюст писателя Тургенева. Бюст был достаточно тяжелый, поскольку писатель Тургенев обладал приличного размера бородой. Тоже, разумеется, гипсовой. Сундуков по просьбе Веры полез на шкаф за учебными пособиями и задел бюст рукавом. При чем злой умысел Вера категорически отрицала, поскольку Иван Сергеевич Тургенев был единственным писателем, которого двоечник Сундуков уважал, благодаря незабвенной Муму. Так что не стал бы он рисковать бюстом, который мог свалиться не на голову учительницы, а на пол.

За неспешным разговором подошло время обеда.

Надежда от обеда отказалась, ее мутило даже от запаха еды из столовой. Тогда соседки ушли, пообещав принести ей стакан компота.

Оставшись одна, Надежда попыталась думать спокойно. Что вообще происходит? Отчего она ничего не помнит? Ну, допустим, она и правда попала в аварию, но какого черта она делала в том рейсовом автобусе? Она даже не удосужилась спросить, в какую сторону он ехал – в город или из города.

Хотя какая разница, если в голове нет буквально ничего. Пустота. И как, интересно, в ее сумке мог оказаться паспорт какой-то Муравьевой? И где тогда ее собственные документы? Потому что если человек едет куда-то далеко, то обязательно возьмет с собой паспорт.

А что, если... что, если они правы, и у нее от травмы все спуталось в голове. Замешалась тут и какая-то Надежда Лебедева. Может, она подруга Муравьевой или соседка.

– Не может быть! – вслух сказала Надежда. – Я помню подругу Алку Тимофееву, мы с ней с первого класса сидели за одной партой. А никакой Муравьевой не знаю!

В пустой палате голос прозвучал неуверенно и жалко. Сомнения напозлали черной тучей.

Трясущейся рукой Надежда взяла зеркало, которое Вера оставила на тумбочке по ее просьбе. В зеркале отразилась жуткая опухшая рожа. Левый глаз заплыл, всю левую щеку покрывал лиловый синяк, даже челюсть казалась смещенной на сторону. Узнать себя в этой роже было никак невозможно.

Надежде стало совсем плохо. Она отбросила зеркало и вытянулась на кровати, потом осторожно пощупала челюсть. Зубы, кажется, целы, и то хорошо.

«Руки мои, – подумала она, поднеся пальцы ближе, – на прошлой неделе маникюр делала у Оли в салоне. А вот тут царапина, это Бейсик, паршивец, потрудился».

Осознав эту мысль, Надежда едва не подскочила на кровати. Голова отозвалась острой болью, но она не обратила на это внимания. Были у нее проблемы посерьезнее.

Бейсик! У нее есть кот замечательной рыжей разбойничьей породы. И... и муж. Господи, у нее же есть муж! Ну да, они живут в трехкомнатной квартире... И где сейчас муж? И как его зовут?

Надежда закрыла глаза и тотчас увидела перед собой лицо мужа. Смотрел он сердито и губами шевелил, как будто говоря, что опять Надежда вляпалась в какую-то историю.

Все ясно, муж за что-то на нее сердится. Или сердился раньше. Но он, несомненно, ее любит, это-то Надежда знает совершенно точно. Стало быть, она вовсе не Ирина Муравьева, а Надежда Лебедева.

И что теперь делать? Если она объявит об этом, доктор Айболит страшно обрадуется. Он посчитает Надеждины слова замещением воспоминаний, скажет, что в результате стресса все прежние воспоминания исчезли, а природа, как известно, не терпит пустоты, вот у больной в голове и возникло, так сказать, фиктивное прошлое, в котором у нее были рыжий кот и любящий муж.

Или еще как-нибудь это явление назовет, начнет бросаться разными научными терминами, словом, совсем заморочит Надежде голову, а она и так плохо соображает.

Доктор с удовольствием бросится изучать такое уникальное психическое явление, вцепится в нее, как клещ, и никуда не отпустит. Возможно, он хороший врач и искренне хочет помочь, но Надежда явно не его случай.

Стало быть, нужно во всем разобраться самой. Но как это сделать, когда в голове полная путаница? «А лисички взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли...» Тьфу ты, от доктора Айболита стихами заразилась!

Соседки принесли Надежде стакан компота. Компот был

вкусный, из свежих яблок. Оказалось, повариха Лида приносит яблоки из своего сада, у нее их каждую осень родится ужасающее количество. Яблочки мелкие, кисловатые, потому что яблони старые, но пилить их жалко. Самой ни в жизнь столько не съесть, вот она и варит компоты. А еще выращивает грядку зелени и добавляет в суп, оттого супы у нее очень вкусные, зря Надежда отказалась.

Подивившись простым патриархальным нравам, царившим в этой больнице, Надежда Николаевна вытянулась на кровати и задремала. И увидела сон.

Во сне она разговаривала с мужем, точнее, разговаривал он – тихим, извиняющимся голосом говорил что-то, собирая в портфель какие-то бумаги. А Надежда сердито молчала, потому что была мужем очень недовольна. А вот в чем он провинился, она не помнила.

Как это часто бывает во сне, смешалось все. С одной стороны, она вроде бы находилась в своей квартире, то есть знала эту комнату как кабинет мужа – вот его письменный стол, и бумаги, как всегда аккуратно, сложены на краю (муж – человек очень аккуратный, во всем любит порядок), на столе – компьютер, и новое кожаное кресло, которое купили совсем недавно, а паршивец Бейсик умудрился уже порвать сиденье, муж все ему разрешает.

С другой стороны, Надежда смотрела на все как будто со стороны, как будто в зале кинотеатра. И осознала вдруг, как хорошо, что она сердита на мужа, можно с ним не разгова-

ривать, потому что она даже не помнит, как же его зовут.

От этой мысли Надежда проснулась. Тишину в палате нарушал только храп Марии Ивановны, который полностью заглушал тихое сопенье Веры. Надежда полежала немного, подышала глубоко, чтобы успокоиться. Что же это с ней происходит? Не помнить имени собственного мужа – это и вправду серьезно! Ладно, не будем терять голову, хотя, кажется, именно это с ней и произошло. Предположим, ее с кем-то перепутали. Точнее, не с кем-то, а известно с кем – с Ириной Павловной Муравьевой, той, чей паспорт находился у Надежды в сумке.

Но как он там оказался? А, все ясно, ее сумку приняли за Надеждину. Но тогда эта женщина должна была ехать в том же автобусе, что и Надежда. Хотя еще неясно, что сама Надежда там делала.

Господи, надо выяснить точно у врачей, что за автобус был, в город он ехал или в обратную сторону. И какого черта Надежде там понадобилось?

После сна в голове не то чтобы прояснилось, но исчезла тупая ноющая боль в правом виске. Странно, мимоходом подумала Надежда, синяк – слева, а болит правый висок. И вспоминая мужа из своего сна, она увидела, что, убирая в портфель бумаги, последним он взял билет на самолет. Точнее, электронный билет, то есть на обычном листке было отпечатано все, что нужно: время вылета и место прилета. И сейчас Надежда воочию увидела край листка, а на нем над-

пись: «Ирк...» Иркутск?

Ну точно, муж улетел в Иркутск. Судя по тому, как он собирал деловые бумаги в портфель, улетел явно по делу. В командировку, значит. Но вот отчего Надежда была этим фактом так недовольна?.. Полный провал в памяти. И даже имя мужа не вспомнить. Фамилия, наверное, такая же, как у нее, Лебедев, а вот дальше...

Тут на нее снова напал сон. Очевидно, в капельницу добавляли какое-то успокоительное.

После тихого часа в палату заглянула медсестра Света.

– Муравьева, к вам посетители!

– Посетители? – удивленно переспросила Надежда. – Какие посетители?

– А я знаю? – отмахнулась Светка и убежала.

Вера деликатно вышла, Мария Ивановна отвернулась к стене, она вообще много спала.

Первой мыслью Надежды было, что это муж. Нашел ее и приехал, чтобы забрать из больницы. Она забеспокоилась, что ужасно выглядит и муж не должен увидеть ее такой. Схватила с тумбочки зеркало, посмотрела в него и еще больше расстроилась – синяк на левой скуле увеличился в размерах и начал желтеть, волосы свалялись и стали похожи на паклю... Нет, в таком ужасном виде она не может показаться мужу!

Но тут на смену первой мысли пришла вторая.

Надежда поняла, что муж сейчас находится далеко, на другом конце страны, в этом своем Иркутске, и не мог внезапно сорваться и примчаться в эту захолустную больницу. А самое главное – у него и причин для этого не было, поскольку она лежит здесь под чужим именем. И муж понятия не имеет, что с ней.

Но тогда...

В ее больную голову пришла третья мысль, и была она, как ни странно, довольно здоровой.

Поскольку Надежда лежит в больнице под именем Ирины Павловны Муравьевой, то посетители пришли именно к этой Ирине Павловне. А это значит, что они узнают, что она – это не она... то есть, наоборот, именно она... Надежда окончательно запуталась в этих местоимениях и сформулировала третью мысль короче: она никакая не Ирина Павловна, и эти люди могут подтвердить это доброму доктору Айболиту, и тогда он не станет болтать о замещении воспоминаний и о фиктивном прошлом.

Додумать эту мысль до конца Надежда Николаевна не успела, потому что дверь со скрипом открылась и в палату вошли двое, мужчина и женщина.

Мужчина был лет сорока, худой и сутуловатый, жесткие, коротко стриженные волосы ежиком стояли на голове, костистое лицо было обтянуто желтоватой кожей. Близко посаженные глаза смотрели с опаской и подозрением.

Женщина была немного моложе, начинающая полнеть

блондинка с узкими губами, покрашенными ярко-розовой помадой.

Посетители на мгновение задержались на пороге, затем женщина всплеснула руками и устремилась к Надеждиной кровати, сочувственно причитая:

– Ириночка, дорогая, надо же, какое несчастье! Нет, ну как они водят – это же уму непостижимо! Им не то что автобусы – им грузовики с дровами доверить нельзя!

Посетители подхватили стулья, сели рядом с Надеждой. Женщина продолжала квохтать:

– Ну, ничего, доктор сказал, что все обойдется, что тебе нужен только покой... несколько дней – и ты будешь как новенькая...

– Но я... но вы... – пролепетала Надежда.

Она опять ничего не понимала.

Если эти люди – знакомые или тем более родственники таинственной Ирины Муравьевой, они должны были сразу понять, что Надежда вовсе не Ирина, а они разговаривают с ней так, как будто все в порядке, как будто они узнали ее... А это значит...

Что это значит, Надежда снова не успела додумать, потому что мужчина перебил свою разговорчивую спутницу. Быстро оглянувшись, он едва слышно проговорил:

– Где оно?

– Что? – испуганно переспросила Надежда.

Она сама не могла сказать, что ее испугало больше – то

ли выражение лица этого мужчины, то ли его приглушенный голос.

– А на словах он велел что-нибудь передать? – прошипел мужчина, сверля Надежду взглядом.

Надежда прикусила язык.

Что вообще происходит? Кто эти люди? И кто такая Ирина Муравьева, за которую они ее принимают?

Тут блондинка повернулась к своему спутнику и так же тихо сказала:

– Может, она и правда ничего не помнит. Доктор ведь сказал, у нее амнезия.

– Черт! – скривился мужчина. – Что же нам делать?

– Доктор сказал, что это должно пройти.

– Когда?

– Через несколько дней.

– Но мы не можем ждать так долго...

Мужчина снова повернулся к Надежде и прошипел:

– Где оно?

– Да скажите, что вам нужно!

– Ты же видишь, она ничего не помнит! – одернула своего спутника женщина.

– А я думаю, что она придуривается! Надо ее потрянуть как следует, сразу все вспомнит...

И такая злость была в его голосе, что Надежда здорово испугалась. Веры, как назло, не было, ну, если громко заорать, Мария Ивановна проснется, пользы от нее, правда, немного,

но есть надежда, что при свидетелях этот тип ничего делать не станет.

– Или снова отключится! – Блондинка схватила своего спутника за рукав. – Она же только-только в сознание пришла!

В это время в палату вкатился доктор.

– Это что у нас?! – воскликнул он, увидев людей возле кровати Надежды. – Кто разрешил?

– Доктор, мы узнали, что она пришла в сознание, и хотели с ней поговорить... – залебезила женщина.

Ее спутник мрачно молчал.

– Мало ли что пришла! – кипятился доктор, сверкая глазами и вытесняя посетителей из палаты. – Разговаривать ей сейчас не нужно! Или только под врачебным контролем!

– Но мы очень о ней беспокоились, очень волновались, хотели узнать, как она...

– Узнать вы могли в справочном! И вообще, кем вы ей приходитеесь? Родственники?

– Родственники. – Женщина фальшиво улыбнулась. – Я ее сестра... двоюродная, а это – ее племянник...

«Упаси бог от такого племянничка!» – подумала Надежда.

– Ну все, вы ее увидели, а теперь оставьте, дайте отдохнуть! Пациентке сейчас нужен покой, покой и еще раз покой!

Доктор вытеснил посетителей из палаты, затем повернулся к Надежде и проговорил прежним жизнерадостным тоном:

– Ну, красавица, прощаюсь с вами до утра. Ведите себя хорошо! Не забудьте температуру измерить! И всем по порядку дает шоколадку и ставит, и ставит им градусники!

Дверь палаты закрылась. Старуха так и не проснулась.

Надежда полежала еще полчаса и поняла, что ей ужасно хочется встать. Встать, самой дойти до туалета, умыться...

Она села на кровати. Палата поплыла перед глазами, и Надежде пришлось немного обождать, пока эта карусель остановится. Палата все кружилась и кружилась, она, очевидно, не поняла, с кем имеет дело.

«Стоять! – приказала ей Надежда. – Стоять и не рыпаться!»

И палата подчинилась приказу.

– Ира, ты куда? – забеспокоилась вошедшая Вера.

– Да нужно мне. До туалета дойду.

– Тебе, наверное, нельзя еще вставать! Я сейчас нянечку позову, она тебе принесет что надо...

– Да нет, лучше я сама. Все тело себе отлежала, нужно хоть немного подвигаться. Говорят же, что гиподинамия очень опасна. Честно, я себя гораздо лучше чувствую.

Она и правда чувствовала себя не так плохо, как выглядела. А что голова кружилась – так это от долгого лежания.

– Ну, смотри...

Надежда встала, еще немного переждала головокружение и вышла из палаты. Навстречу шел пожилой мужчина в полосатом махровом халате. Окинув Надежду сочувственным

взглядом, он проговорил:

– Это вы с молоковозом столкнулись?

– Ну, не совсем я, – скромно ответила Надежда, – это автобус. Но я в этом автобусе была. А что, заметно?

Мужчина закашлялся. Надежда прошла мимо, к своей цели.

В туалете было на удивление чисто. Надежда рассмотрела свое отражение в большом зеркале и расстроилась пуще прежнего. Хоть и больница, а невозможно уважающей себя женщине находиться в таком виде. Она подумала, что нужно хоть немного привести себя в порядок, а для этого ей нужна косметичка. Выйдя в коридор, она увидела нянечку с ведром и шваброй.

– Ты что это расхаживаешь? – спросила та строго. – Доктор тебе лежать велел!

– Да я и так все отлежала, захотелось немного подвигаться. Да и вообще, мне гораздо лучше.

Нянечка недоверчиво и неодобрительно покачала головой. Воспользовавшись удобным случаем, Надежда спросила ее, где хранятся вещи больных.

– А это вон там, на складе! – Нянечка показала в конец коридора. – А что тебе нужно?

– Да мне бы кое-что в своей сумке взять. Косметичку да всякие женские мелочи.

– Ну, значит, и правда на поправку идешь, коли про косметичку вспомнила! Пойдем, я тебе открою!

Нянечка проводила Надежду, отперла дверь склада своим ключом. Видимо, она в этой больнице совмещала разные обязанности, от уборщицы до кастелянши.

На складе были устроены широкие деревянные стеллажи, на которых лежали сумки, пакеты и тюки с одеждой. Надежда сразу же углядела на нижнем стеллаже свою дорожную сумку, темно-синюю с белым рисунком, и порадовалась, что узнала ее – значит, память у нее не совсем отшибло. Она потянулась за ней, но нянечка за спиной строго проговорила:

– Ты куда, вон же твоя сумка, на верхней полке лежит! – Она показала на другую сумку – бордовую и меньшего размера.

– Да нет, вон моя!

– Ты ничего не путаешь? – усомнилась нянечка. – Вон же написано – седьмой номер, а седьмой номер это Муравьева, ты значит... И в книге у меня отмечено...

– Да нет! Это, наверное, у вас путаница. Уж я свою сумку не спутаю! Я вот эту лямку сама зашивала!

– Ну, не знаю, у меня всегда порядок! – обиделась нянечка, но спорить не стала.

Надежда Николаевна поставила свою сумку на стол, растянула молнию, открыла. Вещи действительно были ее, знакомые. Надежда достала косметичку, смену белья и вспомнила, как все это собирала перед поездкой.

Вся картина сборов постепенно восстановилась в памяти. Вот она достает сумку, а вещи уже разложены в спальне на

кровати. Можно собраться спокойно, не спеша, потому что это рыжее чудовище не вскочит на кровать, не начнет топтаться на чистом белье, не порвет пакеты с подарками.

Ага, она везла куда-то подарки, сейчас не вспомнить какие, но точно был довольно большой и тяжелый пакет. Которого тут, в сумке, кстати, нет. Значит, уже подарила.

Кому, когда и где? Очевидно, там, куда она ездила. Стало быть, можно предположить, что она ехала обратно, в город, если подарков в сумке нет.

И отчего она так неторопливо собиралась? Да потому что кота нет, он на даче у бабушки! Ну да, на дворе стоит удивительно теплый сентябрь, поэтому кота снова отвезли на дачу, поскольку мать Надежды категорически отказалась уезжать.

А мать Надежды – женщина с твердым характером, ее не только Надежда, но и зять побаивается. Хотя мать относится к своему зятю неплохо, очень его уважает и не раз говорила даже, что Надежда такого хорошего мужа не заслуживает. Но это так, из вредности. Но все же как его зовут, мужа-то?

Надежда перебрала вещи в сумке. Ага, вот еще нужное – пижама. Или домашний костюм. Здесь, в больнице, одна женщина в похожем по коридору ходит. Это хорошо, а то Надежде выдали фланелевый застиранный халат, да еще и пуговиц не хватает.

– Ты скоро? – окликнула ее нянечка. – А то у меня полнедомыт.

– Сейчас...

Собрав самое необходимое, Надежда застегнула сумку и собралась поставить ее на место. Однако нянечка ее остановила:

– Я сама положу, тебе напрягаться нельзя. Ты вообще береги себя, голова – это не шутки!

Надежда поблагодарила ее и вышла, думая, какие все же хорошие люди работают в этой больнице.

В коридоре не было ни души, и верхний свет погас, горели только две или три лампы дежурного освещения.

Нянечка положила сумку Надежды на место и хотела уже запереть склад, как вдруг из полутемного коридора возник незнакомец – худой и сутулый мужчина в черном свитере. На голове у него была черная бейсболка с низко надвинутым козырьком, так что в темноте разглядеть его лицо было невозможно.

Нянечка испуганно вскрикнула, но незнакомец зажал ей рот ладонью в перчатке, втолкнул на склад, захлопнул за собой дверь и прошипел:

– Заткнись, тетка, если хочешь живой остаться! Поняла?

Нянечка испуганно кивнула.

– Это хорошо, что ты понятливая. Сделаешь, что я скажу, ничего тебе не будет. Поняла?

Нянька снова кивнула.

Незнакомец убрал руку ото рта и проговорил:

– Где ее сумка?

– Чья?

– Не идиотничай! Сейчас сюда женщина приходила, с нервного отделения...

– Муравьева, что ли?

– Ну да, она самая! Так вот, покажи мне ее сумку...

– Вон та... – Перепуганная женщина показала на темно-синюю сумку с белым узором, которую только что поставила на нижний стеллаж. Она хотела было добавить, что у больной Муравьевой отшибло память и поэтому она взяла чужую сумку, но вовремя одумалась и промолчала – всегда лучше лишний раз промолчать, особенно если имеешь дело с такими опасными людьми.

Мужчина сверкнул глазами, схватил сумку и снова повернулся к нянечке:

– И запомни – ты меня не видела и ничего не знаешь!

С этими словами он выскользнул со склада и бесшумно исчез в темноте.

Нянечка почувствовала внезапную слабость в ногах и сползла на пол. Она сидела на холодном кафельном полу, и в голове у нее была только одна мысль: как хорошо, что утром ее смена закончится и ей три дня не нужно будет ходить в больницу, поскольку работает она сутки через трое...

Надежда вернулась в палату, но чувствовала какое-то беспокойство. Какая-то неясная мысль крутилась в голове, но голова снова начала болеть, снова наливалась свинцовой тя-

жестью, и мысль никак не удавалось поймать.

Надежда умылась, расчесала спутанные волосы и переоделась в пижаму. Пижаму в свое время подарила ближайшая подруга Алка Тимофеева. Вкус у Алки был специфический, так что пижама выглядела ярковато: красные трикотажные брюки, а верх – в клеточку, и принт с веселым тигренком спереди. Соседки пижаму одобрили.

Надежде не сиделось на месте, и она снова вышла в коридор.

Навстречу ей шла прежняя нянечка, но как-то неуловимо изменившаяся. Лицо ее побледнело, при этом на щеках проступили пятна нервного румянца, губы тряслись, глаза бегали по сторонам.

– Что с вами? – спросила Надежда Николаевна, поравнявшись с нянечкой.

Но та взглянула на нее с испугом и даже с неприязнью, шарахнулась, как от зачумленной, и сквозь зубы проговорила:

– Ничего со мной! А вот вы идите к себе в палату, нечего по коридору ходить! Я только что пол помыла!

Надежда обиженно отвернулась и пожала плечами.

Да что такое с этой нянечкой? Только что была нормальным человеком, даже приветливым, а тут вдруг такое заурядное хамство!

Впрочем, как раз вежливое и деликатное обращение персонала этой больницы удивляло Надежду, а хамство – ни-

сколько, обычное дело, всегда так было.

Надежда подошла к окну и выглянула наружу.

На улице уже стемнело, неподалеку от входа в больницу загорелся уличный фонарь, конус бледно-желтого света, который он отбрасывал, сделал темноту вокруг еще гуще. Из этой сгустившейся темноты свет фонаря вырывал пыльные придорожные кусты и раскачивающееся под ветром дерево.

Надежда с сожалением подумала, что не знает, что это за дерево. Она легко отличает только сосны, ели да березы. Ну, пожалуй, еще дубы, но они в нашей полосе встречаются редко...

Вдруг в пятне света нарисовалась человеческая фигура.

Она показалась Надежде смутно знакомой – худощавый, немного сутулый мужчина в джинсах и черном свитере. На голове бейсболка с надвинутым козырьком, так что лица не разглядеть. В руке мужчина нес дорожную сумку.

Фонарь качнулся под ветром, и свет упал на эту сумку. Темно-синюю, с белым рисунком. Точно такую же, как та, которую Надежда только что брала на больничном складе.

Ну, мало ли похожих сумок, подумала Надежда.

Однако какое-то неясное беспокойство шевельнулось в груди. И мужчина вроде знакомый. Если бы не бейсболка, она его точно узнала бы...

Надежда медленно пошла к своей палате, потому что голова снова начала болеть, и опять увидела нянечку – та, похоже, успокоилась и драила шваброй полы коридора. Надеж-

да решила проверить возникшее у нее подозрение. Она остановилась возле нянечки и проговорила:

– Можно вас попросить еще раз открыть склад?

– Зачем? – спросила женщина, подняв на Надежду насто-роженный взгляд.

– Мне нужно еще кое-что взять в сумке.

– Раньше нужно было думать! – фыркнула уборщица.

– Ну, извините, я только сейчас вспомнила... Мне очень нужно, я вас прошу...

– Ничего не могу сделать! – отрезала уборщица. – Я уже отдала ключ от склада.

– Кому?

– А вам какое дело кому? Я вам уже сказала – нечего по коридору шастать! Идите в свою палату!

Надежда едва не отскочила, до того от няньки повеяло ненавистью. Ее словно подменили.

Впрочем, такая реакция на обычную просьбу лишь усилила подозрение Надежды... С чего вдруг нянечка так взбеленилась? Должна быть какая-то причина. Опять же, тот тип с сумкой...

Так или иначе, голова болела все сильнее, и Надежда решила вернуться в палату и лечь в постель.

Видимо, ей и правда ввели какое-то успокоительное, потому что она заснула, едва коснулась головой подушки.

И приснился Надежде сон.

В этом сне она вышла из пригородного автобуса на краю

небольшой деревни.

Автобус поехал дальше, а Надежда пошла вдоль домов и остановилась возле одного из них, обшитого зеленой вагонкой, с красными наличниками на окнах.

Издали этот дом казался нарядным и уютным, но, подойдя ближе, Надежда увидела, что краска на стенах и наличниках облупилась и выцвела, стекла в окнах такие пыльные, что почти не пропускают света, а на двери висит большой навесной замок.

Окружающий дом участок тоже был запущенным, вместо цветов и овощных грядок – крапива, лебеда и репейники.

Однако это не остановило Надежду.

Она поднялась на крыльцо, которое ревматически закрипело под ее ногами, достала из кармана ключ, без труда открыла висячий замок и вошла в дом.

Миновав полутемные сени, она оказалась в просторной жилой комнате.

Из-за пыльных окон в комнате тоже было полутемно, однако Надежда разглядела круглый колченогий стол, застеленный дешевой клетчатой клеенкой, старомодный сервант, на застекленных полках которого стояли простые синие чайные чашки и дешевые рюмки зеленоватого стекла, старую этажерку, на которой лежала кипа пыльных выцветших журналов еще советских времен, тумбочку с телевизором, накрытым салфеткой, вышитой гладью и выцветшей от времени, и низкий комод с тремя выдвижными ящиками.

На комодe стояло обычное зеркало в металлической овальной рамке, к которому и устремилась Надежда, задыхаясь от волнения.

Как бывает во снах, она отчего-то знала, что непременно должна посмотреться в это зеркало, собственно, ради этого она приехала в эту деревню и вошла в этот дом.

Опять же, как бывает во снах, последние шаги дались ей тяжело, Надежда шла так, словно к ее ногам были привязаны тяжелые гири или словно вокруг нее был не спертый, застоявшийся воздух нежилого деревенского дома, а какая-то вязкая, плотная среда, которая сопротивлялась каждому ее шагу, каждому движению.

Наконец Надежда преодолела это сопротивление, подошла к комоду, протянула руку к зеркалу и повернула его к себе.

Зеркало было покрыто густым слоем слежавшейся пыли, так что она не видела своего отражения. На этом пыльном слое чья-то рука написала два слова: «Кто ты?»

Надежда достала носовой платок, осторожно протерла зеркало и снова посмотрела в него. При этом ей было страшно, как будто она заглядывала не в обычное зеркало, а в бездонную пропасть, в темный загадочный омут.

Но это было самое обычное зеркало, и в этом зеркале Надежда, как и положено, увидела отражение. Отражение женского лица...

Однако это было не то лицо, которое она видела в зеркале

каждое утро. Из овального зеркала на нее смотрела совершенно незнакомая женщина примерно ее лет и даже немного похожая на Надежду, но не она. Это была совершенно незнакомая женщина, которую Надежда никогда прежде не встречала.

– Кто ты? – удивленно и испуганно спросила Надежда и, уже произнеся эти слова, вспомнила, что именно они были написаны на пыльном зеркале.

Губы отражения как будто нехотя разлепились, и женщина, отраженная в зеркале, задала Надежде тот же самый вопрос, но с другой интонацией:

– Кто *ты*?!

И в этот же миг за спиной Надежды раздались странный хрип и какие-то булькающие звуки.

Надежда обернулась и увидела, что старый телевизор сам собой включился, голубой экран тускло засветился, и на этом экране появилось лицо той же незнакомой женщины, чье отражение Надежда видела в зеркале.

Эта незнакомая женщина в упор взглянула на Надежду и строго проговорила:

– И всем по порядку дает шоколадку и ставит, и ставит им градусники! Два раза вправо, потом один раз влево! Запомни – два вправо и один влево! Градусники ставим!

Последние слова прозвучали иначе, словно их произнес другой человек – и тут же полутемная комната в деревенском доме растаяла, и Надежда проснулась.

Она лежала на узкой больничной койке, в окно светило ласковое утреннее солнце, и бодрый голос медсестры повторил с той же интонацией, что во сне:

– Подъем, девочки! Градусники ставим! Температуру измеряем! Муравьева, просыпайтесь!

Последние слова были адресованы явно Надежде. Надежда протерла слипающиеся глаза и сонно пробормотала:

– Почему Муравьева?

– А кто же вы? – Сестра на всякий случай сверилась с табличкой, прикрепленной к кровати, и улыбнулась: – Не проснулась еще! Ну, померяй температуру – и можешь еще поспать!

Надежда сунула под мышку градусник и задумалась.

Она вспомнила, что лежит в больнице под чужой фамилией; вспомнила, как ходила накануне на больничный склад, где нянечка предлагала ей сумку какой-то Муравьевой; вспомнила, как обманом получила свою сумку, а позднее видела на улице возле больницы человека, который нес темно-синюю сумку, как две капли воды похожую на ее собственную.

Вечером Надежда хотела спать и не задумалась об этом, успокоила себя тем соображением, что могут быть две похожие сумки, но сейчас она решила еще раз сходить на склад.

Самое главное – вчера она была не в себе, то ли от травмы, то ли от лекарств, которые ей вводили, и не взяла из своей сумки самое необходимое, то, без чего современный человек

чувствует себя как без рук, – мобильный телефон...

Вот именно, нужно было сразу хватать его и звонить. Мужу! Хотя нет, он же в командировке. Тогда подруге Алке. Как только Алка узнает, что Надежда попала в аварию, она тут же примчится и разнесет эту больницу вдребезги. Надежду выдадут без всякого сопротивления. И – домой, а там уж Алка найдет хорошего врача.

Этот Алексей Степанович вроде бы и неплохой человек, искренне за больных переживает, но разговаривает детскими стихами, а это напрягает.

Измерив температуру и покончив с утренними процедурами, Надежда отправилась в дальний конец коридора. Правда, по дороге она вспомнила, что вчера вечером нянечка нахамила ей. И еще неизвестно, как она будет настроена сегодня.

Но, на счастье, на складе находилась другая женщина. Кладовщица была помоложе нянечки, она увлеченно читала глянцевого журнала, на обложке которого фальшиво улыбалась известная стареющая певица, повиснув на руке еще более известного молодого футболиста.

Надежда Николаевна облегченно вздохнула: теперь у нее были развязаны руки.

Войдя на склад, она первым делом взглянула на ту полку, где вчера лежала ее сумка. Сумки на месте не было. Не было ее и на остальных полках – Надежда успела окинуть их взглядом и нигде не увидела синей сумки с белым рисунком.

Всякие были – черные, зеленые, коричневые, но только не синие.

– Женщина, вы что хотели? – спросила кладовщица, отложив свой журнал.

– Хочу в сумке кое-что взять.

– А вы кто у нас?

– Муравьева я, с неврологического.

Надежда почувствовала себя самозванкой, представляясь чужим именем. И отчего-то вспомнила сегодняшний сон и незнакомое лицо в пыльном зеркале.

Она уже привыкает к этому имени, откликается на него... глядишь, еще немного – и она действительно станет другим человеком... этой... как ее... Ириной Муравьевой.

– Муравьева... – кладовщица открыла разлинованную тетрадь, – точно, вы из того автобуса, что перевернулся... Муравьева... Вот вы – седьмой номер!

Она подошла к стеллажу, достала с верхней полки дорожную сумку из бордовой кожи и плюхнула ее на низкий столик:

– Вот она, сумка ваша. Берите, что нужно.

Надежда поблагодарила женщину и склонилась над сумкой, внушая себе, что не делает ничего плохого.

Рыться в чужих вещах – это плохо, стыдно. Но она ничего не возьмет, она только посмотрит, что лежит в этой сумке – может быть, ее содержимое поможет понять, кто такая эта Ирина Муравьева, за которую принимают Надежду.

Однако сделать это оказалось не так просто.

Сумка таинственной Муравьевой была застегнута на молнию, но поверх молнии был еще кожаный клапан, застегнутый на круглую металлическую пряжку. И открыть эту пряжку Надежда с ходу не смогла. Она вертела ее и так и этак, но вредная пряжка никак не поддавалась.

Кладовщица не спешила возвращаться к своему журналу – она с любопытством смотрела на Надежду, видно, хотела с ней поговорить. Еще немного – и она задумается, почему Надежда не может открыть свою сумку...

И правда, кладовщица моргнула и участливо проговорила:

– Что, не открывается?

– Да заела что-то... – пропыхтела Надежда, нажимая сильнее. – Наверное, при аварии погнулась...

И тут она снова вспомнила сегодняшней сон. Вспомнила странные слова, которые произнесла женщина на экране телевизора: «Два раза вправо, потом один раз влево».

Странные, бессмысленные слова, но чем черт не шутит? Вдруг они помогут ей открыть сумку?

Надежда еще немного поколебалась, все же это был всего лишь сон. Но отчего не попробовать? Она повернула круглую пряжку вправо, точнее – по часовой стрелке. Та щелкнула и остановилась. Еще один поворот вправо, до щелчка. Теперь один раз против часовой стрелки...

Щелчок – и пряжка расстегнулась.

Надежда перевела дыхание.

– Ну вот и открылась! – удовлетворенно проговорила кладовщица и снова погрузилась в свой журнал.

Надежда расстегнула молнию и заглянула в сумку настоящей Муравьевой.

Сверху лежали обычные дорожные вещи – косметичка, тапочки, пакет со сменой белья. Надежда снова почувствовала неловкость – ей самой не понравилось бы, если бы кто-то рылся в ее вещах.

Она запустила руку глубже и достала книгу в мягкой потрепанной обложке. Прочитала название – «Тайна доктора Фауста». В книгу была вложена закладка. Надежда подумала мгновение и выложила книгу на стол – надо же что-то читать, чтобы время в больнице не так медленно тянулось. В конце концов, книга – это не зубная щетка, книги все одалживают друг другу, книгами обмениваются. Можно считать, что она одолжила эту книгу у Муравьевой.

Было и еще одно соображение, более важное.

Надежда Николаевна рассчитывала, что эта книга что-то расскажет о своей хозяйке. Говорят же – скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты.

Она продолжила перебирать содержимое сумки и наконец нашла то, что искала, – мобильный телефон.

Вот это уже серьезнее, мобильный телефон – предмет глубоко личный, можно сказать, интимный, взять чужой мобильный телефон – это скверно...

Но собственный телефон Надежды бесследно пропал вместе с остальными вещами, и что-то говорило Надежде, что таинственная Муравьева к этому как-то причастна.

Надежда зажала рот своей совести (если у совести есть рот, что весьма сомнительно), переступила через собственные моральные принципы и положила телефон рядом с книгой. Она еще немного порылась в сумке, но больше не нашла ничего полезного. В частности, не нашла зарядного устройства к телефону.

– Я взяла все, что хотела! – бодро сообщила она кладовщице и застегнула молнию.

Женщина убрала сумку на прежнее место, а Надежда отправилась в свою палату. По дороге она уговаривала себя, что не сделала ничего плохого. Муравьева сама виновата: если бы хотела, уже давно забрала бы свои вещи, а раз не забрала – значит, они ей не так уж и нужны...

Только придя в палату, Надежда убедилась, что телефон Муравьевой полностью разряжен, так что без зарядного устройства от него не было никакой пользы.

Тогда она обратилась к соседкам по палате:

– У меня зарядка телефонная потерялась, у вас нет такой?

Мария Ивановна показала свою зарядку – она не подходила. Верина тоже не подошла, но Вера успела обзавестись в больнице массой знакомых и пошла на разведку – поискать по другим палатам подходящее устройство.

Надежда тем временем решила пролистать книгу, кото-

рую взяла в сумке Муравьевой.

Сегодня был выходной день, так что доктор Айболит у себя дома общался с внуками, медсестра быстренько выполнила все назначения и тоже куда-то убежала. Однако тишина в отделении стояла недолго, поскольку гуртом пошли посетители.

Первым прибыл сын Марии Ивановны Вова. Он оказался невысоким молчаливым мужичком, в меру плотненьким и в меру лысоватым. Он вежливо поздоровался и дал краткий отчет о состоянии домашнего хозяйства. Судя по всему, справлялся Вова неплохо, куры неслись, гуси нагуливали жир. По просьбе матери Вова принес склянку мази, которую она делала сама по старинному рецепту ее родной бабушки. Мазь здорово помогала от синяков.

Надежда с опаской открыла склянку. Мазь была бурого цвета и пахла болотной тиной.

– Не бойся! – сказала Мария Ивановна. – Проверенная вещь, всем помогает!

Надежда намазала левую щеку и углубилась в книгу.

Как ни странно, это был не детектив, а популярное историческое исследование. Автор подробно разбирал историю доктора Фауста, которого большинство читателей знают только по трагедии Гёте. Если вообще знают.

Автор книги, ссылаясь на многочисленные исторические свидетельства, писал, что Иоганн Георг Фауст – вполне реальное лицо, доктор теологии, чернокнижник и маг. В нача-

ле шестнадцатого века путешествовал по Германии.

Реальный Фауст обучался теологии в одном из немецких университетов, затем учился магии в Праге, после чего переезжал из города в город, читая лекции и устраивая демонстрации всевозможных удивительных явлений. Доктор Фауст неоднократно заявлял, что может повторить все евангельские чудеса. За эти святотатственные заявления его изгоняли из нескольких немецких городов, а однажды едва не побили камнями.

Весьма драматично исторические хроники описывали смерть знаменитого чернокнижника. Поздней осенней ночью тысяча пятьсот сорокового года постояльцы и хозяева скромной гостиницы в Вюртемберге проснулись от чудовищного грохота в одном из номеров. Из-за закрытой двери доносились звуки падающей мебели, топот, затем – душераздирающие крики.

Позднее свидетели, находившиеся в этот час снаружи, утверждали, что в ту ночь разразилась ужасная буря, из гостиничной трубы вырывалось синее пламя, а ставни на окнах хлопали сами по себе.

Крики, стоны и ужасный шум продолжались больше двух часов и стихли только под утро. Все это время перепуганные хозяева гостиницы и прислуга тряслись под дверью загадочной комнаты, не решаясь заглянуть внутрь. Когда же шум стих, хозяин осторожно открыл дверь и заглянул в номер.

На полу, среди обломков мебели, в неестественной и

странной позе лежал мертвый человек, все тело которого было покрыто ссадинами и кровоподтеками, шея и ребра переломаны, как будто несчастного били кувалдой, один глаз вытек.

Это и был знаменитый маг и чернокнижник доктор Иоганн Георг Фауст. Жители Вюртемберга утверждали, что с ним жестоко расправился демон Мефистофель, которого за четверть века до того доктор Фауст вызвал своими заклинаниями, чтобы заключить договор, подписав его собственной кровью.

Когда срок договора закончился, Мефистофель явился к Фаусту, предал его жестокой смерти, а душу забрал, чтобы предать вечным мукам в аду.

Страница с описанием страшной смерти доктора Фауста была заложена самодельной закладкой. Видимо, хозяйка книги дочитала до этого места или отметила его как самое интересное.

Надежда рассмотрела закладку. Полоска плотной белой бумаги, на которой тонким черным фломастером были нарисованы маленькие аккуратные значки и крошечные картинки.

Всего их было семь.

Вначале было нарисовано солнышко – маленький аккуратный кружок, из которого выходили коротенькие черточки лучей, затем вилка с тремя зубцами, затем маленький домик с окошком и трубой, за домиком следовало дерево, по-

том человечек, каким его изображают дети, – овальный огу- речик туловища, кружок головы с условно прорисованными глазами и большим лягушачьим ртом и палочки рук и ног. После человечка снова было солнце – в точности такое же, как первый раз, и завершало цепочку пиктограмм окошко.

Глядя на эти рисунки, Надежда вдруг осознала себя тем, кем была на самом деле – Надеждой Николаевной Лебедевой, интеллигентной дамой средних лет, с высшим техниче- ским образованием, мужней женой, в данное время не ра- ботающей, то есть являющейся домашней хозяйкой (ух, как Надежда ненавидела это словосочетание, равно как и две цифры, стоящие рядом – пятерка и ноль. Да что там ноль, считай, уже единица).

Господи, как же это здорово – вспомнить все!

Ну, то есть пока не все, но теперь уже не было сомнений, что Надежда обязательно вспомнит, как попала в эту боль- ницу, а также все, что случилось до злополучного столкно- вения рейсового автобуса с молоковозом. А пока что с быст- ротой горного потока голову заполняли детские воспомина- ния, потом – школьные, юношеские, потом – институт, по- том – рождение дочки Алены (на разводе с первым мужем Надежда не остановилась, там и вспоминать-то было нечего).

И наконец...

– Саша! – вскричала Надежда. – Его зовут Саша!

Ну конечно, ее муж – Сан Саныч Лебедев, удивительно умный, добрый, хороший человек. Работает замдиректора

компьютерной фирмы, но и дома все может сделать своими руками. Прекрасно относится к Надежде и обожает их общего кота Бейсика, иногда Надежде кажется, что даже слишком.

Какое счастье, что она наконец все вспомнила! Кому рассказать, что она забыла, как зовут собственного мужа, не поверят.

Но иногда... иногда Сан Саныч бывал несколько зануден. Больше того, он на нее сердился. Надежда напрягла память и даже наморщила лоб, хоть и поклялась себе страшной клятвой никогда этого не делать. Ах, вот в чем дело...

Надежда Николаевна Лебедева обожала загадки, и больше всего криминальные, или детективные. За неимением таковых она разгадывала ребусы, шарады и головоломки, но до кроссвордов все же не опускалась – считала их слишком примитивными.

За такое хобби муж, конечно, никак не мог осуждать Надежду. Но все дело в том, что загадки Надежда разгадывала не только на бумаге.

Иными словами, Надежда Николаевна постоянно влипала в разные криминальные истории. Точнее, не то чтобы она, а ее многочисленные друзья, знакомые и родственники, а также знакомые друзей и родственники знакомых. Надежда активно помогала этим людям выпутаться из передраг – сначала тем, кто просил, потом тем, кто не просил, а просто нуждался в помощи, а затем, как ехидно утверждал муж, тем,

кто вообще понятия не имел, что с ним что-то случилось.

Так бы и вовсе не заметил, мимо прошел, но тут Надежда кидалась все расследовать, поднимала бучу. Говорит же народ – не буди лихо, пока оно тихо. Так это не про Надежду. Уж она-то вечно влезала в самое пекло. И когда-нибудь это очень плохо кончится.

Короче, Надежда имела с мужем пару-тройку очень крупных разговоров, из чего вынесла твердое убеждение, что во имя спокойствия в семье, не нужно Сан Санычу ничего рассказывать. Надежда не любила врать, но в данном случае ложь была во спасение. Потому что мужа своего она любила и вовсе не хотела с ним расстаться.

В то же время Надежда ничего не могла с собой поделаться в том, что касалось расследований. Похоже, преступления сами ее находили. Со временем среди знакомых пошли слухи, так что Надежда строго следила, чтобы никто не проболтался.

Вот и сейчас, обретая память и ясность мыслей, Надежда поняла, что жизнь снова столкнула ее с криминальной загадкой. Ну, допустим, авария была случайной, но то, что ее приняли за другую, а потом визит той подозрительной парочки...

Нет, тут все неясно. И она обязательно в этом разберется. Все равно в больнице больше делать нечего.

Внимательно рассмотрев цепочку рисунков на закладке, Надежда подумала, что эти рисунки очень похожи на ребус.

А всякий ребус ей непременно хотелось разгадать.

«Да может, никакой это не ребус, – возразила Надежда Николаевна самой себе. – Может быть, эта Муравьева просто машинально рисовала что-то на листке бумаги, а потом использовала этот листок в качестве закладки...»

Иногда Надежда, думая над очередной криминальной загадкой, и сама машинально рисовала что-нибудь на подвернувшемся листке бумаги, но у нее рисунки получались небрежные, неаккуратные, а рисунки на закладке были ровные и тщательно выполненные. Они напоминали иероглифы или пиктограммы.

Нет, все же эти рисунки – какое-то зашифрованное послание.

В пользу такого предположения говорило, во-первых, то, как аккуратно и тщательно были нарисованы эти картинки, и то, что одна из них – солнце – повторялась дважды. Значит, этой картинке соответствует какое-то значение, какой-то символ, который дважды повторяется в зашифрованном тексте.

А во-вторых...

Второе соображение было не такое материалистическое, не такое разумное, как первое. Надежда Николаевна даже немного стеснялась его признать.

Дело в том, что при виде цепочки рисунков на закладке она почувствовала легкое покалывание в корнях волос. А такое покалывание она ощущала всякий раз, когда сталкива-

лась с очередной криминальной загадкой.

Надежда еще раз просмотрела рисунки.

Солнце, вилка... А может быть, не вилка, а трезубец? Нет, все же больше похоже на обычную столовую вилку... Дальше – домик, дерево, человечек, снова солнце и, наконец, окно.

Надежда так и этак прикидывала, что могут значить эти иероглифы. Допустим, дерево растет возле дома, а человек в этом доме живет... Но при чем тут вилка? И почему солнце повторяется дважды? В таких шифровках не бывает ничего случайного...

Надежда убрала закладку и разочарованно отложила книгу, потому что перед глазами заплясали красные мухи и правый висок снова начал ныть.

Сын Марии Ивановны давно ушел, предварительно проведив ее в холл, где работал телевизор. Вера прикрыла повязку яркой косынкой и подкрасила глаза и губы.

– Ждешь кого-то? – спросила Надежда.

Вера кивнула, отчего-то тяжело вздохнув.

Открылась дверь, и в палату вошли двое. Первым шагал крупный широкоплечий мужчина с большими руками и ногами, на которых были высокие ботинки на толстой подошве примерно сорок пятого размера. Коротко стриженный, как раньше говорили – под полубокс, черты лица резковаты, как будто вырублены топором, кожа грубая, задубевшая, не то от солнца, не то от ветра.

– Здравствуйте, – прогудел он басом и, осторожно ступая, ока-

зался в центре палаты.

Следом за ним вошла его точная копия, только уменьшенная раза в полтора. Такие же большие руки и ноги, такие же грубоватые черты лица, только кожа не задубела, да глаза у отца были серые, а у сына – ясные и голубые.

– Знакомься, Ира, – обреченно сказала Вера, – это Сундуков Эдуард Анатольевич, а это его сын Толик.

– Да я уж и так вижу, – улыбнулась Надежда.

– Здравствуйте, – сказали хором отец и сын, после чего Сундуков-старший присел на стул, а младший остался стоять.

– Уж извините, Вера Сергеевна, – заговорил Сундуков, – никак не мог вчера прийти, работы много. Авария эта на сорок восьмом километре, будь она неладна, да еще на бетонке происшествие.

– А вот Ира у нас как раз после той аварии на сорок восьмом километре, – оживилась Вера. – Счастье, что все оказалось не так серьезно, только память отшибло. Но потихоньку восстанавливается. Можно надеяться, что скоро вернется.

– Совсем отшибло? – с интересом спросил Сундуков-младший. – Вам же ни во что не врубаются?

– Анатолий, – сурово оборвал его отец, – помолчи! Тебя разве кто-то спрашивал?

В палате установилась напряженная тишина. Надежда решила ее нарушить.

– А вы, значит, в ГИБДД местном работаете?

– Нет, я в полиции службу. Ну, у нас тут все со всеми

связаны. Авария приличная была, среди пассажиров жертв много, хорошо, никто не умер. Михалыч, водитель автобуса, – мужик серьезный, основательный, стаж у него водительский больше двадцати лет, никаких нареканий. И вдруг такое... – Он тяжело вздохнул. – А этот Витька Трешников снова за руль пьяным сел. Уж сколько раз ловили его, штрафовали, прав лишали, а он опять за свое! Гнал свой молоковоз на большой скорости, не справился с управлением, самто успел выпрыгнуть, а люди едва не погибли. И Михалычу теперь разбираться. Он сам с сердцем едва в больницу не попал, но вроде получше ему.

– Досталось вам, – посочувствовала Надежда. – А вы ска-
зали, еще одна авария случилась?

Она сама не знала, зачем спрашивает, как будто кольнуло что-то изнутри – спроси, узнай...

– Случилась, – вздохнул Сундуков-старший, – на бетонке возле старой мельницы, вон, Вера Сергеевна знает. Машину там нашли разбитую, а в ней четверо. В дерево врезались.

– Все живы? – Вера прижала руки к груди. – Обошлось?

– Если бы, – вздохнул Сундуков. – Водитель насмерть, а сзади трое были, так один тоже насмерть, второй в тяжелом состоянии, и у женщины голова так разбита, что непонятно, выживет ли, а если и выживет, то инвалидом точно станет.

– Кошмар какой! – Вера поежилась. – Ира, ты как выйдешь из больницы, свечку в церкви поставь – за спасение.

– Да-да, – рассеянно согласилась Надежда, ее волновало

другое. – А скажите, эта женщина в нашей больнице находится?

– Да нет, она в коме, здесь и аппаратуры такой нет. Ее в город отвезли, в варваринскую больницу. Медики еще сомневались, что довезут. Но вроде бы доехали. А там уж не знаю, что будет.

– Как же они в дерево сумели врезаться? – в раздумье спросила Вера. – Там машины редко ездят, и медленно, потому что дорога плохая.

– Ну да, ребята сами удивляются. Машина дорогая, БМВ, почти новая, тормоза в порядке были. Еще хорошо, что бензобак не взорвался. А то всех бы насмерть.

– Вера Сергеевна, – подал вдруг голос Сундуков-младший, – а отгадайте загадку. Что у сома в середине, а у облака в конце?

– Анатолий, что ты ерунду болтаешь? – Сундуков-старший несильно треснул отпрыска по затылку. – Вере Сергеевне только и дела, что твои загадки разгадывать. Человек болеет, человеку плохо, из-за тебя между прочим, а ты тут со своей ерундой...

– Да нет, что вы, Эдуард Анатольевич, – остановила его Вера, – не ругайте мальчика, это он разговор поддержать хочет! Загадки – это не ерунда, это пища для ума...

– Вот и я говорю, Вера Сергеевна, – оживился Толик, почувствовав поддержку. – Так что, сдаетесь?

– Почему сдаюсь? Зачем сдаюсь? – Учительница зашеве-

лила губами. – Значит, говоришь, у сома в середине, а у облака в конце?

– Да не слушайте его! – махнул рукой полицейский. – Говорю же, ерунда! Где сом, а где облако!

– А вот и не ерунда! – горячился Толик.

– Конечно, не ерунда! – поддержала его учительница. – Не ерунда, а буква «о»!

– Вы эту загадку знали... – расстроился Сундуков- младший. – Вам ее уже кто-то загадывал...

– Никто мне ее не загадывал! – возразила Вера. – Надо просто подключить логику!

«Действительно, надо подключить логику! – подумала Надежда и снова достала закладку с рисунками. – Нужно посмотреть на эти рисунки с другой стороны, как на «сома» и на «облако». Это не только предметы, но и слова, которые эти предметы обозначают!»

На чистый лист бумаги она выписала в столбик слова, обозначающие каждый рисунок, – солнце, вилка, дом, дерево, человек, еще раз солнце и окно.

Много лет Надежда проработала инженером в научно-исследовательском институте, и многие сослуживцы говорили, что сотрудником она была неплохим. Среди прочих задач, которыми занималась Надежда, была и задача шифровки и расшифровки текстовых сообщений. Поэтому Надежда знала, что всякий осмысленный текст можно зашифровать последовательностью десятичных цифр. Или двоичным кодом.

А потом, после передачи, снова расшифровать. И наоборот, всякую последовательность цифр можно превратить в текст.

И вот перед ней семь слов, то есть текст. Он вполне может быть шифром, а всякий шифр можно взломать, надо только знать принцип шифрации.

Чем эти слова отличаются от любых других? Чем они характеризуются? Допустим, количеством букв... Тогда «солнце» может означать цифру шесть, вилка – цифру пять, дом – цифру три... дальше шесть и семь.

Но можно расшифровать их и по-другому – не дом, а домик, не человек, а человечек... тогда получатся и другие цифры.

Нет, такая кодировка не подходит, она не дает однозначной расшифровки. Значит, нужно подойти с другой стороны.

Надежда снова взглянула на выписанные слова.

Что, если взять только первую букву каждого слова?

С, В, Д, снова Д, Ч, С и О...

Рядом с этими буквами Надежда выписала цифры десятичной системы, записанные словами:

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять и ноль.

Если брать только первые буквы – получается последовательность: О, Д, Т, Ч, П, Ш, С, В, Д и Н.

Все буквы из первой последовательности присутствовали и во второй. Значит, это может быть основным принципом шифровки – каждый рисунок на закладке можно заменить

цифрой, начинающейся на ту же букву, что и слово, обозначающее изображение.

В рассуждениях Надежды было только одно сомнительное звено – на букву «Д» начиналось и «два», и «девять». В то же время в первой последовательности букв также два раза встречалась буква «Д», и она обозначала две разных картинки – дом и дерево... Так, может, это вовсе не слабое звено, а доказательство точности ее рассуждений? Раз на букву «Д» начинаются две цифры, нужно и два рисунка для обозначения этих цифр.

Но тогда какой из рисунков обозначает двойку, а какой – девятку?

Подключая простую логику, можно было предположить, что слово «дом», в котором три буквы, обозначает цифру два, в которой тоже три буквы. А слово «дерево» обозначает девятку. Правда, в нем не девять букв, а только шесть, но это все же больше трех. А картинку, которая соответствует слову из девяти букв, начинающемуся с буквы «Д», автор шифровки просто не придумал.

Впрочем, Надежда тут же нашла такое слово – дирижабль. Но нарисовать приличный, легко узнаваемый дирижабль она не смогла. Для этого у нее не хватало художественных способностей.

Придумав простой и, как ей казалось, логичный способ расшифровки, Надежда записала рядом с цепочкой букв цепочку цифр:

7-8-2-9-4-7-1.

Что-то эта цепочка ей напоминала...

– Ира! – вторгся в ее мысли голос Веры. – Я же тебе принесла зарядку подходящую, совсем забыла про нее. Иван Семенович с хирургического дал, только ему завтра выписываться, так что ты побыстрее заряди, а то отдать нужно.

Надежда Николаевна была так погружена в свои размышления, что не сразу поняла, о какой зарядке идет речь и почему Вера называет ее чужим именем. Насчет имени на всякий случай спрашивать не стала, а про зарядку переспросила.

– Какую-какую, телефонную, конечно! – ответила Вера недоуменно. – Ты забыла, что ли? У тебя телефон разрядился, а зарядку ты потеряла! Так вот я нашла подходящую в мужской палате.

– Ах да! – Надежда разом вспомнила и что лежит в больнице под именем Ирины Муравьевой, и что взяла в сумке у этой самой Муравьевой мобильный телефон, и что просила Веру найти зарядку, подходящую к этому телефону.

Тут она снова взглянула на цепочку цифр.

7-8-2-9-4-7-1.

Семь цифр, которые можно записать по-другому:

782-94-71.

В такой записи сразу видно, что это телефонный номер. Разве что не хватает первых трех цифр – кода оператора. Но этих кодов не так уж много, в крайнем случае, можно перебрать все...

Надежда поблагодарила Веру и тут же подключила телефон к сети.

Он начал заряжаться, но Надежда сообразила, что от этого телефона ей все равно не будет толку, ведь она не знает пин-код, поэтому не сможет его включить.

Видимо, ее огорчение отразилось на лице, потому что чуткая Вера спросила:

– Ира, что не так?

– Да не могу вспомнить пин-код, – призналась Надежда Николаевна. – Память все еще не вернулась... так что мне от этого телефона все равно никакого проку!

И тут вдруг снова подал голос Сундуков-младший.

– Пин-код не помните? – спросил он Надежду.

– Да, а что?

– Ну, это же ерунда! Меня пацаны научили, как этот код можно совсем отключить. Мы один раз нашли телефон, я тоже думал, что от него никакого толку, а они показали...

– Анатолий! – одернул его отец. – Что ты такое говоришь! Как можно чужой телефон...

– Толик, миленький, помоги! – взмолилась Надежда.

Сундуков-старший покачал головой, но не стал спорить. Молодое дарование взяло у Надежды телефон и принялось над ним колдовать. Меньше чем через минуту Толик вернул телефон Надежде и гордо сообщил:

– Ну вот, все, теперь он без всякого кода включается. Просто пальцем проведите – и порядок!

Надежда сердечно поблагодарила юного умельца и оставила телефон заряжаться.

Тут в коридоре прокричали зычно: «Обед!» – и посетители ретировались, присовокупив, что зайдут завтра.

– Ой, эти Сундуковы – кошмар моей жизни! – простонала Вера. – Сто раз говорила я Толькиному отцу, что жаловаться никуда не стану и заявления никакого писать не буду! Ну, несчастный случай – и все! Никто не виноват! Я ведь точно знаю, что не хотел Толик ничего плохого, просто обормот такой, недотепа, все у него получается не по-людски. Так нет, вбили они себе в голову, что нужно меня непременно навещать. Вот и ходят, и ходят, и сидят, и молчат, потому что говорить им со мной совершенно не о чем. Тебе спасибо, на этот раз хоть разговор поддержала, а то уж я прямо теряюсь.

– А по-моему, этот Сундуков правда о вас беспокоится, – протянула Надежда, – не только свои интересы блюдет.

– Ну да, он вообще-то мужик хороший, – согласилась Вера. – Школе всегда помогает. Когда у нас два года назад кабинет химии обокрали, он тут же хулиганов этих нашел. Мальчишки хотели что-то там взрывать. Он один Тольку воспитывает, жена умерла пять лет назад. Бабушка, правда, еще есть старенькая, но Толька ее не слушается. А отца побаивается, все же мужчина.

Пришла Мария Ивановна и обнаружила на столе пакет, а в нем завязанные в салфетку пирожки с капустой – приношение от бабушки Сундуковой. Пирожки буквально таяли

во рту.

– Хоть на обед не ходи! – сказала Надежда.

– И не думай! – рассердилась Мария Ивановна. – Повариха Лида обидится, и супы у нее вкусные, я же говорила.

И правда, сегодня на обед был рассольник, Надежда давно такого не ела.

После обеда в палате установилась тишина. Мария Ивановна спала, Вера читала.

Надежде спать не хотелось, она взяла телефон Муравьевой, который уже немного зарядился.

Первым делом хотела позвонить мужу – уже несколько дней его не слышала, он наверняка волнуется, но тут, к своему стыду, сообразила, что не помнит его номер. В ее собственном мобильнике телефон мужа был забит в списке контактов, и она набирала его простым нажатием кнопки. В принципе, она помнила и сам семизначный номер, но это – до аварии. Значит, память у нее действительно отшибло...

Что ж, мужу позвонить не удастся – по крайней мере, до тех пор, пока к ней не вернется память.

А вот интересно, отчего муж сам не звонит? Обычно они созваниваются каждый день, а тут как отрезало... Хотя вполне возможно, что он и звонит. Только непонятно куда. Точнее, понятно – ей на мобильник, а где он?

И правда, где ее собственный мобильник?

Остался в дорожной сумке, которую украл со склада тот тип, что приходил к ней вместе с подозрительно привет-

ливой женщиной. Она все причитала: «Ирочка, Ирочка!» Очень фальшиво у нее получалось.

Что-то им было нужно от настоящей Муравьевой. «Где оно?» – спрашивал тот тип. Знать бы еще, что такое это оно... Ладно, пока оставим, всему свое время.

Значит, муж улетел в командировку, в Иркутск. Улетел срочно, за что Надежда на него рассердилась, потому что они собирались поехать на несколько дней в Москву навестить Надеждину замечательную тетку, которая что-то прихворнула, и вообще возраст у нее был уже солидный, прилично за восемьдесят, так что откладывать встречу было нехорошо. В таком возрасте всякое могло случиться...

У тетки как раз день рождения, хорошо хоть не юбилей, а то было бы совсем неудобно. Надежда только собралась билеты на «Сапсан» покупать, как муж ее и огорошил – все, дескать, отменяется, мне в Иркутск по делу срочно. Езжай в Москву одна, если хочешь, а я никак не могу. Очень важная командировка.

Ну, что было делать? Одна Надежда ехать категорически отказалась. Не хватало еще, чтобы родственники заподозрили, что у нее с мужем разлад. Тетка-то ничего не скажет, а вот остальные будут понимающе переглядываться и вздыхать у нее за спиной.

Нет, такого Надежда допустить не могла. Высказала мужу все, что думает, а потом опомнилась. Как же можно с человеком ругаться, когда он самолетом летит? Не дай бог, что

случится... Поездом тоже страшно, но самолетом... Так что Надежда взяла себя в руки и простилась с мужем спокойно и даже ласково.

И как только дверь за ним закрыла, так вспомнила про Ленку Пеночкину. Дружили они в институте, потом разошлись как-то. А все потому вышло, что Ленкин муж с Надеждиным первым мужем друзьями были – не разлей вода. Витька Пеночкин вроде хороший парень был, но какой-то несерьезный. Впрочем, в молодости на такое мало внимания обращаешь.

Короче, общались они, семьями дружили, пока Надежда с первым мужем не развелась. И получилось, что остались у каждого свои друзья, Надежда с Витькой и его женой видеться перестала. А потом, через несколько лет, встретилась как-то случайно с Ленкой в метро, поболтали, Ленка сказала, что давно с Витькой развелась.

Что уж там было, Надежда не спросила, по себе знала, как противно про развод вспоминать. Ну, обменялись они с Ленкой телефонами, да и разошлись.

Потом снова встретились, преподавателя институтского хоронили. Хороший был человек, много народу пришлось проводить его. На официальные-то поминки их не звали, да и зачем? Зашли в кафе с ребятами просто посидеть.

Посидели, учебу вспомнили, они с Ленкой и разболтались. Оказалось, дочки у обеих замужем за моряками.

Надеждина Аленка жила в далеком городе Северодвин-

ске, там же внучка Светочка родилась. А у Ленки дочь вышла за выпускника училища имени адмирала Макарова. Парень попался трудолюбивый, закончил на отлично, получил работу где-то на нефтяной платформе, три месяца там, три – здесь. Денег платили ему ужас сколько, потому как зарплата была привязана к евро.

Ну, Надежда женщина независтливая, это все знают, так что только порадовалась за Ленкину дочку.

С тех пор стали они время от времени перезваниваться, потом Ленка на свой день рождения ее пригласила. Да не домой, а в кафе.

Оказалось – для разговора. Доченька ее задумала, задумала со своим моряком разводиться.

Уж на что Надежда женщина спокойная, так и то, такое услышав, глаза вытаращила. Это ж надо совсем ума лишиться, чтобы такого парня бросить! Ленка зятя хвалила – и спокойный, и трудолюбивый, и способный, к семье приучен, а уж дочку свою маленькую обожает просто.

Опять-таки, деньги хорошие приносит, а это в наше время немаловажно. И по три месяца его нет, то есть можешь все дела переделать, а потом уж с мужем время проводить. Она, Ленка, с внучкой всегда посидит с радостью.

И вот, жаловалась Ленка, как вожжа девке под хвост попала. Никого не слушает, завела друзей каких-то подозрительных из Интернета, где-то с ними болтается. В общем, Ленка сама виновата, уж слишком ее баловала, а теперь вот что

делать?

Ничего Надежда тогда не посоветовала, да и что тут скажешь? Свою голову дочке не приделаешь. Ну, хоть выговорилась Ленка, сказала, что полегчало ей.

Еще какое-то время прошло, и встретились они с Ленкой в бывшем институте, сто двадцать лет со дня его основания праздновали. Народу, конечно, тьма, разные шишки, сама губернатор приезжала, концерт, опять же, хороший. Потом разбрелись кто с кем.

Надежда только и успела спросить, как у дочки дела. А Ленка рукой махнула: ничего, мол, хорошего, одна радость – деньги бывший муж на ребенка платит приличные. А сам вскоре женился, его мигом подхватили, еще бы – такие мужья на дороге не валяются, в новой семье уже и ребеночек родился.

Время от времени Надежда с Ленкой перезванивались. Ленка все больше про свою внучку рассказывала: что растет, что в школу пошла. Про дочку Надежда и не спрашивала. Если бы все хорошо было, так Ленка сама сказала бы.

Однажды Ленка вдруг позвонила и сообщила, что дочка замуж вышла. Однако радости особой Надежда в ее голосе не слышала. Расспросила так аккуратно, и вот что узнала.

Новый муж не так чтобы молодой, под сорок ему, ну да и дочка-то Ленкина уже не девочка, так что все нормально. Но разведенный, и двое детей осталось. Квартиру им оставил, а сам пришел жить к новой жене. В чем есть, то есть с од-

ним чемоданом. Это уже настораживало. Работал где-то не то завхозом, не то в какой-то мастерской по ремонту чего-то там. То есть зарплата не так чтобы очень, а прямо говоря – небольшая.

Уловив Надеждино замешательство, Лена вздохнула и сказала преувеличенно веселым голосом:

– Ох, Надя, если бы ты видела, кто у нее до этого был в кандидатах! По Интернету знакомилась – ужас какой-то! Даже иностранцы были, да и те полный кошмар.

Ясное дело, подумала Надежда, нормальный-то человек разве будет в Интернете жену искать? Всякое, конечно, бывает, случаются исключения, но все же...

Дальше выяснилось, что у нового мужа в городе полно родственников – три сестры, дядя Ваня и еще один дядя, Степа. А родители у них живут в деревне, это по Выборгскому шоссе до большого поселка Рейволово, а от Рейволово в сторону километров семь, дорога не очень, но на машине проехать можно. Там деревня, Лена забыла, как называется, и у родителей дом большой, трехэтажный.

И вот расписались молодые вчера, во вторник, а свадьбу решили устроить в четверг, в той самой деревне, потому что родителям никак не приехать, хозяйство не бросить. И получается, что со стороны жениха родни будет навалом, а со стороны невесты – только она, теща. Даже подружка невесты поехать не сможет, у нее ребенок не вовремя заболел.

– А Витя, муж твой бывший? – осторожно поинтересова-

лась Надежда, сообразив уже, к чему Ленка клонит.

– Ой, Надя, да мы как развелись, так с тех пор вообще ни разу не виделись! На дочку до восемнадцати лет алименты получала, а потом как отрезало. Ни разу не позвонил, ни одного подарка на день рождения ей не сделал!

– Ну надо же... – подивилась Надежда. – Вот с какой стороны люди раскрываются.

– Так что мы давно про него не вспоминаем. Надя, поехали со мной в деревню эту! Скажем, что ты – моя двоюродная сестра. А то прямо неудобно получается, словно мы безродные. Мало того что мужа у меня нет, так еще ни братьев, ни сестер, поддержать некому.

– Да я бы с радостью, – соврала Надежда, – но, понимаешь, мы с мужем в Москву как раз уезжаем. Я уж и билеты купила.

Ленка расстроилась и повесила трубку.

А потом, когда поездка в Москву сорвалась, Надежда вспомнила про Ленкину просьбу. В самом деле, что ей делать в городе одной? Муж велел ехать на дачу к матери, проведать кота. А коту что сделается? Сентябрь удивительно теплый, кот с бабушкой прекрасно себя чувствуют на свежем воздухе.

Ленка страшно обрадовалась Надеждиному звонку. Надежда позвонила мужу, как раз успела до полета, и сказала, что уезжает с подругой на свадьбу, а деревня там глухая, с мобильной связью проблемы. Муж если и удивился, то не успел ничего сказать – объявили посадку.

Надежда купила шикарный набор постельного белья, белый, в кружевах, а матери жениха – теплый и мягкий кашемировый шарф. Рано утром в четверг Лена и ее дочка с новым мужем заехали за Надеждой на машине. За рулем сидела дочка, и машина была ее, что еще больше насторожило Надежду. В наше время редко встретишь мужчину без машины. Ну, в конце концов, это не ее дело.

Теперь, вспоминая все, что было дальше, Надежда поежилась и выругала себя идиоткой. Ну когда она научится говорить слово «нет»! И ведь отказала же Ленке поначалу, так и надо было не менять решения.

А все из-за мужа. Если бы он не полетел срочно в командировку, сейчас они прекрасно проводили бы время в Москве – гуляли, с родственниками общались, в музей какой-нибудь сходили бы или в ресторан... Но Надежда решила сделать доброе дело – поддержать Ленку в трудную минуту знакомства с новыми родственниками.

Вот истинно говорят, ни одно доброе дело не остается безнаказанным!

До Рейволова доехали довольно быстро – дорога была хорошая, зато потом начались неприятности. Долго искали поворот на дорогу к деревне, причем новый муж Ленкиной дочки ничем не помог, из чего Надежда сделала вывод, что за рулем он никогда не сидел. Наконец догадались позвонить одной из его сестер и получили довольно толковое описание дороги.

Назвать дом родителей трехэтажным можно было с большой натяжкой, если считать подвал и чердак. На самом деле это была большая старая изба, причем внутри всего одна комната, старуха так и звала ее – «зала».

Бабка с дедом оказались сильно старыми, а сестры жениха были гораздо его старше. Все здоровые, горластые, в количестве трех штук. Кто-то был с мужем, кто-то нет, Надежда очень скоро перестала и пытаться разобрать, кто с кем, запомнила только дядю Ваню – крепкий такой мужичок с цепкими глазками.

Деревня была небольшая, летом в ней жили еще и люди из города, потому как места хорошие – лес, озеро неподалеку. Но то летом, а сейчас, осенью, народу было совсем мало, только местные. Какое хозяйство не могли бросить бабка с дедом, было непонятно, потому как из домашних животных у них наличествовали только собака непонятной породы и две кошки, которые, увидев такое количество гостей, тут же куда-то подевались, только их и видели.

Сестер звали Нюрка, Манька и Глашка, именно так к ним и обращались, по-панибратски. Вообще тут не чинились, тещу тотчас стали звать Ленкой, а Надежду – Надькой.

Для Надежды слышать такое обращение от совершенно незнакомых людей было как-то неожиданно, но она, естественно, помалкивала, помня, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят.

Надо отдать должное, сестры споро накрыли стол в «за-

ле», а готовые блюда привезли с собой, что нужно – разогрели, что нужно – охладили, и уселись пировать.

Дальше начался полный кошмар.

Если в трезвом состоянии сестры выглядели просто горластыми вульгарными бабенками, то, выпив лишку (а что все они напьются, Надежда не сомневалась, увидев ужасающее количество спиртного, привезенного из города), три сестры превратились в трех злобных фурий. Визгливыми голосами они ругались с мужьями, которые отвечали им тем же. Очевидно, такое общение считалось в этой семье застольной беседой.

Изредка ругань прерывалась тостами и криками: «Горько!» Бабка поджимала губы, глядя на новую невестку. Дядя Ваня, хитро поблескивая глазками, предавался воспоминаниям, обильно присыпая их цветистым многоэтажным матерком. Отец семейства смотрел равнодушно, только с ужасающим постоянством наливал рюмку за рюмкой, при этом на глазах багровея. Жених вел себя прилично: быстро напился и заснул тут же, за столом.

Ленка жалась к Надежде, глядя на это великолепие с ужасом. Надежда тихо скрипела зубами. Злиться в данном случае можно было только на себя. Вот черт ее дернул согласиться на эту поездку! Можно сказать, сама вызвалась!

Пришли соседи – пара фермеров, выстроивших дом неподалеку, две припозднившиеся дачницы, старуха с палкой и двое ханыг. Эти заняли пустующий дом самовольно, никто

им не препятствовал. Хозяин умер, а его дочка из города и носа не казалась, провалилась, сказала, эта развалюха пропадом.

С приходом гостей пьянка началась по новой. Надежда выскользнула из-за стола и решила помочь по хозяйству, чтобы хоть чем-то себя занять. Лена потянулась за ней.

– Прости, Надя, – сказала она со слезами в голосе, – представить не могла, что тут такое.

– Это еще что, – вздохнула Надежда, – скоро у них другая стадия пойдет, воинственная. Не дай бог, передерутся все.

И как в воду глядела. В «зале» грохнуло, повалилась табуретка, послышался звон посуды.

– Началось, – сквозь зубы процедила жена фермера, выходя во двор. – Теперь пойдут клочки по закоулочкам. У этих Аникеевых каждый праздник так. Как они все соберутся да выпьют – так драка. А тут свадьба – вообще святое дело. Одно тебе скажу, – она повернулась к Лене, – зятек твой по этому делу слабоват. Как выпьет – так спит где придется. Так что до драки никогда не доходит.

– Слабое утешение, – пробормотала Надежда вполголоса.

Из избы донеслись крики и женский визг, потом снова загрохотала мебель, потом заголосили бабы и выскочила невеста. Рукав ее платья был оторван, волосы всклокочены.

– Кто тебя так? – сочувственно поинтересовалась жена фермера. – Муж, что ли?

– Муж дрыхнет на полу, – скривилась невеста. – Это я случайно под раздачу попала.

Обсудили ситуацию. Ехать домой никак нельзя – Ленкина дочка выпила прилично шампанского, еще не хватало неприятностей на дороге. К тому же она не хотела бросать молодого мужа на этих уродах, своих новых родственников. Они-то определенно настроились гулять три дня, до воскресенья.

Спать легли по совету жены фермера в сараюшке, старики летом сдавали ее дачникам. Там было относительно чисто, стояли старый продранный диван и раскладушка, на которую вместо матраца положили два ватника.

Надежда полночи проворочалась на скрипучей раскладушке, к тому же от ватников сильно пахло мышами. Часа в два в большом доме угомонились, а через некоторое время Надежда услышала, что кто-то возится у двери в сарайчик. Поскольку она предусмотрительно заклинила ручку сломанным стулом, тот, за дверью, ушел ни с чем, зато в окно всунулась жуткая рожа одного из давешних ханыг.

– Девочки, – прохрипел он, – вы как там?

Надежда, не отвечая, сразу же двинула в рожу поленом, которое вечером вытащила из поленицы во дворе опять-таки по совету жены фермера. Рожа булькнула и пропала.

Надежда встала с рассветом, торопливо собрала немногочисленные вещи. Еще ночью она решила, что с нее хватит. Жена фермера говорила, что муж должен утром отвезти молоко в Рейволово, Надежда решила попроситься в машину. А если не возьмут, то семь километров она и пешком пройдет. Дорога прямая, дождя нет, хорошо, что сообразила

удобные ботинки взять. Ничего, дойдет! Все лучше, чем тут маяться.

– Надя, ты куда? – Лена подняла голову.

– Домой! – бросила Надежда. – Поедем со мной!

– Не могу же я ее тут бросить, – вздохнула Лена, посмотрев на дочь. – И она без мужа не поедет...

«Муж, – подумала Надежда со злостью, – объелся груш!»

– Как хочешь, – бросила она и ушла.

Дверь в избу была распахнута, несмотря на то что по ночам холодно, все же осень на дворе. Надежда мимоходом заглянула внутрь. Картина была достойна кисти Иеронима Босха. Все семейство дрыхло – кто на полу вповалку, кто на диванах и лавках. Слышался дружный оглушительный храп. На столе кисли недоеденные салаты и винегреты, остальное валялось на полу, и собака, войдя в открытую дверь, спокойно завтракала остатками пиршества.

Надежду затошнило, и она поскорее ретировалась.

Ворота у фермера были открыты, его жена встретила Надежду не очень приветливо.

– Мой-то до того напился вчера, что и встать не может. Самой молоко везти нужно. От этих Аникеевых одни неприятности! – с чувством сказала она.

Надежда помогла ей поставить в машину тяжеленные бидоны, получив за это кружку парного молока и кусок хлеба. Фермерша была настолько любезна, что довезла до самого Рейволова, хотя ей нужно было сворачивать раньше.

– Как раз на первый автобус успеете! – сказала она.

Простились они по-дружески, и Надежда поспешила к автобусной станции.

Вот, значит, как все было. Надежда откинулась на подушки. Хорошо все-таки все вспомнить. Только голова заболела от усилий, поэтому Надежда решила сменить род занятий.

Она взглянула на свои записи, и вдруг в ней проснулся азарт исследователя. Надежда захотела проверить, правильно ли расшифровала иероглифы, нарисованные на закладке в книге Муравьевой.

У нее был семизначный телефонный номер, но не было первых трех цифр – кода оператора связи. Как и планировала, Надежда решила действовать методом проб и ошибок – перебрать основные коды операторов так называемой «Большой тройки».

Она набрала первый код – тот, который был на ее собственном телефоне, затем – семь цифр, полученных в результате расшифровки...

Равнодушный механический голос сообщил ей, что набранный номер не существует.

Напомнив себе фразу незабвенного Остапа Бендера, что с каждым стулом сокровища все ближе, она набрала следующий трехзначный код и снова семь цифр.

Результат был такой же, только механический голос на этот раз был не мужской, а женский.

Надежда набрала третий вариант кода...

На этот раз ей повезло больше.

В трубке раздалась длинные гудки, затем – щелчок соединения, и зазвучала протяжная, заунывная мелодия, которая ужасно действовала на нервы.

Надежда отодвинула трубку от уха, чтобы было не так громко, и уже хотела нажать кнопку отбоя, как снова зазвучал механический голос, выдавая, правда, более обнадеживающую информацию:

– Вы позвонили в книжный магазин «Чернокнижник». Если вы хотите узнать о наличии интересующей вас книги – нажмите цифру «один», если хотите сделать заказ – нажмите цифру «два», если хотите ознакомиться с программой тематических мероприятий – нажмите цифру «три», если хотите сообщить о претензиях – нажмите «четыре», в противном случае дождитесь ответа оператора.

Интуитивно Надежда Николаевна нажала единицу. Она не успела прикинуть все варианты, палец сам нашел нужную кнопку.

В трубке снова зазвучала мелодия, только не такая заунывная и тягучая. Надежда приготовилась к долгому ожиданию, но мелодия прервалась, и на этот раз прозвучал живой человеческий голос:

– Вы позвонили в магазин «Чернокнижник». Какую книгу вы заказывали?

Надежда по какому-то наитию выпалила:

– Я заказывала книгу «Тайна доктора Фауста».

В трубке возникла короткая пауза, как будто собеседник Надежды сверялся с инструкцией, затем женщина проговорила:

– Я вас соединяю.

И вновь заиграла мелодия, Надежда узнала «Полет валькирий» Вагнера. Мелодию пришлось слушать довольно долго, но все рано или поздно заканчивается, закончилась и эта музыкальная пытка. В трубке раздался мужской голос. Никаких вопросов мужчина не задавал, а произнес деловым, озабоченным тоном:

– Будьте на месте завтра в семнадцать двадцать.

– На каком месте? – спросила Надежда. – Зачем мне там быть? И как я туда попаду?

Но ей никто не ответил, ее вообще никто уже не слушал – из трубки доносились сигналы отбоя.

Надежда долго смотрела на телефон. Она рассчитывала получить какие-то ответы, но вместо этого у нее появились новые вопросы.

Кто назначил ей встречу? Где эта встреча должна состояться? И как попасть в это место, если она лежит в загородной больнице?

«Да нечего тебе и думать ни о какой встрече! – прозвучал внутренний голос. – До того ли тебе? Тебе нужно лечиться, лечиться и лечиться, как говорит местный доктор Айболит! А все частные расследования и криминальные загадки

забудь, как страшный сон! Вон и так уже доигралась...»

Внутренний голос был рассудительный и настойчивый, прямо... прямо как Надеждин муж. Беда только в том, что Надежда очень редко к нему прислушивалась.

Вот и сейчас, под мерное дыхание спящих соседок, Надежда подумала, что все с ней в общем не так и плохо. Когда она встает, голова больше не кружится, ходить может довольно быстро, не запыхавшись, ссадина на затылке не кровоточит, и сестра сказала, что завтра повязку скорее всего снимут, а там, глядишь, и голову можно будет помыть. Даже синяк на щеке благодаря чудодейственной мази Марии Ивановны стал гораздо незаметнее.

Так что умнее всего попроситься ей завтра на выписку. Этот доктор Айболит, конечно, будет против, однако Надежда сможет настоять на своем. Но... куда податься? Денег у нее нет, равно как и ключей от квартиры, даже паспорт куда-то пропал.

Ну, деньги можно занять у Веры. Главное – до дома добраться, а там уж все разъяснится. Стало быть, завтра она поговорит с врачом. Нечего тут зря койку пролеживать.

С этой благой мыслью Надежда задремала.

!!!

– Куда мы идем, дядюшка? – Фридрих перевел дыхание и огляделся.

По сторонам дороги чернел лес. Смеркалось, и скоро на окрестности опустится мрачная осенняя ночь.

– Где мы будем ночевать, дядюшка? Зачем мы ушли из той деревни? Там мы могли найти хоть какой-то ночлег!

Дядя Готфрид медлил с ответом, и юный Фридрих пристально посмотрел на него. Похоже, старик теряет последние остатки разума. Третий месяц они в пути, третий месяц живут впроголодь, ночуют где придется – в крестьянских избах, на сеновалах, в грязных придорожных харчевнях. Все эти месяцы Фридрих с тоской вспоминал уютный дядюшкин домик в окрестностях Нюрнберга, славную мастерскую, где дядя учил его чинить и мастерить удивительные игрушки.

После смерти родителей дядя взял племянника к себе, он воспитывал юного Фридриха и учил его всему, что умел сам. А умел дядя немало – даже среди знаменитых нюрнбергских механиков он слыл удивительным мастером, настоящим волшебником.

Но три месяца назад с дядей что-то случилось.

Он ушел к заказчику – господину Мейстеру, богатому торговцу, и вернулся от него сам не свой. В страшной спешке собрал кое-какие вещи – только самое нужное, инструменты и велел племяннику тоже собираться.

– Но куда, дядюшка? – удивленно спросил юный Фридрих.

– Неважно куда! – ответил дядя. – Главное, уйти отсюда, пока они нас не нашли!

– Кто – они? – допытывался племянник.

Однако дядя ничего не ответил. Он связал узлы, взвалил

их на ослика, запер дверь дома на замок, и они отправились в свое нескончаемое путешествие.

Поначалу Фридрих надеялся, что они где-нибудь останутся и их жизнь снова войдет в привычную колею, но дядя шел все дальше и дальше, то на север, то на юг, из Вюртемберга – в Баварию, оттуда – в Саксонию, в Пруссию. На все вопросы племянника он отвечал уклончиво и неохотно.

Юный Фридрих удивлялся той неукротимой энергии, с которой его дядя, человек далеко уже не молодой, отмеривал милю за милей, день за днем.

В дороге умер старый ослик, но дядя не купил нового – он собрал часть вещей, сложил в котомку, взвалил на плечи и снова отправился в путь, еще до рассвета, словно за ним черти гнались.

– Где мы будем сегодня ночевать, дядюшка? – повторил Фридрих, не надеясь получить ответ. – У меня больше нет сил идти!

И тут впереди среди деревьев замерцал таинственный огонек.

– Вон, ты видишь этот свет? – проговорил дядя, показывая на этот огонек. – Господь не оставил нас!

Юный Фридрих преисполнился надежды. Он прибавил шагу, стараясь не отставать от дядюшки, и скоро они подошли к домику из закопченных бревен, над входом в который висела засохшая виноградная лоза – знак для путников, что здесь они могут найти недорогую выпивку, а также закуску

и ночлег.

– Вот и таверна! – воскликнул дядя, толкая дверь.

Внутри таверна не вызывала мыслей об уюте и гостеприимстве. Низкий потолок поддерживали закопченные балки, пол покрыт камышом, который давно следовало поменять. На грубых скамьях за длинным, кое-как оструганным столом сидели несколько припозднившихся путников, попивая дешевое вино из хозяйского погреба и закусывая его кровяной колбасой.

Один из них – здоровенный детина в продранном на плече кафтане, – видно, выпил уже сверх меры, потому как уронил голову на стол и спал, изредка всхрапывая.

Сам хозяин стоял, подбоченясь, в глубине комнаты и подозрительно оглядывал своих гостей.

Увидев в дверях новых посетителей, он расплылся в кривой улыбке и проговорил хриплым голосом:

– Добро пожаловать, гости дорогие! Что привело вас в мою скромную харчевню? Чего желаете? Могу предложить вам молодого винца и свежей колбаски – только вчера закоптили!

– И вина, и колбасы! – оживился юный Фридрих. – С самого утра ни крошки во рту не было!

– И какое-нибудь местечко для ночлега! – добавил его дядя. – Такое, где бы нас никто не побеспокоил.

– Не извольте беспокоиться, добрые господа! – хозяин быстро оглядел гостей с ног до головы, отметил их пыльную

поношенную одежду, усталый вид, скромную поклажу и добавил:

– И местечко для ночлега – все найду, если расплатитесь добрыми баварскими талерами или саксонскими золотыми!

– Не беспокойся, хозяин, за платой не постоим! – старший путник бросил на стол тяжелую монету. – Вот тебе первая, а коли угодишь нам – будут и ее сестрицы!

Хозяин ловко подхватил монету, попробовал ее на зуб и заулыбался шире прежнего:

– Золото, доброе саксонское золото! Все вам будет, добрые господа, и еда, и питье, и комнату я вам дам самую лучшую. Там вас точно никто не побеспокоит!

Он обмахнул своим фартуком свободный конец стола, поставил на него кувшин с вином и две оловянные кружки:

– Извольте за стол, добрые господа, а я пока распоряджусь насчет комнаты!

Дядя с племянником сели за стол. Тут же появилась румяная дочка хозяина, поставила перед ними блюдо аппетитно шкворчащей колбасы и добрую ковригу хлеба. Мужчины принялись за еду, хозяин же ушел распорядиться насчет ночлега.

Вскоре юный Фридрих от усталости и сытости начал клевать носом. Дядя растолкал его, и они отправились за хозяйской дочкой на заднюю половину харчевни, где им выделили пусть тесную и душную, но все же отдельную комнату. Правда, кровать в ней была всего одна, но она все же была, что в те

времена считалось большим удобством, если не роскошью.

Хозяйская дочка строила юному Фридриху глазки, но он этого не заметил, поскольку уже едва держался на ногах и тут же повалился на кровать, не раздеваясь.

Едва дядя с племянником ушли из общей комнаты, дедина в продранном кафтане, который только что, казалось, спал мертвым сном и изредка всхрапывал, поднялся из-за стола и быстро огляделся. Сна у него не было ни в одном глазу. Не заметив ничего подозрительного, он выскользнул из харчевни и скрылся в темноте. Шел он мягкими, бесшумными шагами опасного хищника.

!!!

Перед ужином Надежда снова поплелась на склад, чтобы еще раз внимательно обследовать сумку Муравьевой. Вдруг там найдется предмет, который даст ответы на ее вопросы. Кто эта женщина? Что она делала в автобусе? Куда ехала? То есть, очевидно, в город, но отчего таким неудобным способом? И наконец, куда она подевалась после аварии? В этой больнице ее точно нет, Надежда узнавала.

И самый главный вопрос: отчего Надежду приняли за нее? Потому что в руках у нее была сумка Муравьевой с ее паспортом? Не иначе, так и есть. Но вот как эта сумка оказалась у нее в руках... Этого припомнить Надежда пока не смогла.

Дверь склада была полуоткрыта. Надежда Николаевна деликатно постучала, но ей никто не ответил. Она заглянула внутрь. На складе никого не было, очевидно, в воскресенье

персонал больницы чувствовал себя весьма вольно. Как известно, кот из дома – мыши в пляс.

Ну что ж, она не виновата, что кладовщицы нет на месте! Без нее будет гораздо удобнее порыться в сумке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.